

Издательский дом «Академик»

ОБРАЗОВАНИЕ и НАУКА

— НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ —

№ 2

(АПРЕЛЬ-ИЮНЬ)

Учредитель: Грудцына И.В.

Издатель: Издательский дом «Академик» (<https://academ-publish.com>)

Журнал является сетевым изданием и выходит с 2025 г. один раз в три месяца

Официальный сайт журнала: <https://edu-science.online>

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС 77-90916 от 13 февраля 2026 г.)

· ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА ·

Научный сетевой журнал

«Образование и наука» - ежеквартальный научный сетевой РИНЦ-журнал, основными целями которого являются научные публикации и исследования, посвященные проблемам российского и зарубежного образования и науки, дифференциации и интеграции научных знаний, образованию как социальному институту.

«Education and Science» is a quarterly scientific network RSCI-journal, the main goals of which are scientific publications and research devoted to the problems of Russian and foreign education and science, differentiation and integration of scientific knowledge, education as a social institution.

Главный редактор: Усанов Владимир Евгеньевич

Заместитель главного редактора: Булаков Олег Николаевич

Председатель Редакционного совета: Иванова Светлана Анатольевна

Редактор: Ерошина Екатерина Андреевна

Корректор и компьютерная верстка: Саблина Ирина Александровна

Дизайн: Ерцев Роман Александрович

Адрес офиса редакции: 121596, г. Москва, ул. Горбунова, д. 2, стр. 3. Офис Б 218. Этаж 2. Бизнес-центр "Гранд Сетунь Плаза".

Адрес для писем: 121614, г. Москва, ул. Крылатские Холмы, д. 28, к. 57.

Home page: <https://edu-science.online>

E-mail: mail@edu-science.online

WhatsApp: +7-999-914-10-69

Telegram: @academ_publish

При использовании опубликованных материалов ссылка на научный сетевой журнал «Образование и наука» обязательна.

Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах.

Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Усанов Владимир Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии образования, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им Г.В. Плеханова.

Заместитель главного редактора:

Булаков Олег Николаевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Российского государственного гуманитарного университета, член Экспертного совета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.

Специальность: 5.1.1. – Теоретико-исторические правовые науки

- *Грудцына Людмила Юрьевна*, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Почетный адвокат России, эксперт РАН (г. Москва, Россия).
- *Дорская Александра Андреевна*, доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующая кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.
- *Пашенцев Дмитрий Алексеевич*, доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заведующий отделом теории права и межотраслевых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессор Московского городского педагогического университета.
- *Усанов Владимир Евгеньевич*, доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии образования, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им Г.В. Плеханова.

Специальность: 5.1.2. – Публично-правовые (государственно-правовые) науки

- *Миронов Василий Олегович*, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Государственное право и управление таможенной деятельностью» Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.
- *Садовникова Галина Дмитриевна*, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина» (МГЮА).
- *Сангаджиев Бадма Владимирович*, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)».

Специальность: 5.1.3. – Частно-правовые (цивилистические) науки

- *Иванова Светлана Анатольевна*, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», Почетный адвокат России, эксперт РАН.

- *Левушкин Анатолий Николаевич*, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия.

- *Стригунова Дина Павловна*, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного и интеграционного права Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

- *Эриашвили Нодари Дарчоевич*, доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры РФ, профессор кафедры предпринимательского и трудового права Института государственного управления и права Государственного университета управления.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief:

Usanov Vladimir Evgenievich, Doctor of Law, Professor,
Academician of the Russian Academy of Education,
Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the
Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov.

Deputy Editor-in-Chief:

Bulakov Oleg Nikolaevich, Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Constitutional and International Law
of the Russian State University for the Humanities, member of the Expert Council
of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation.

Specialty: 5.1.1. – Theoretical and historical legal sciences

- *Grudtsyna Lyudmila Yuryevna*, Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Constitutional and International Law, All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Honorary Lawyer of Russia, Expert of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
- *Dorskaya Alexandra Andreevna*, Doctor of Law, Professor, Deputy Director for Research, Head of the Department of General Theoretical Legal Disciplines of the North-West Branch of the Russian State University of Justice.
- *Pashentsev Dmitry Alekseevich*, Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Head of the Department of Theor of Law and Intersectoral Research of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Professor of Moscow City Pedagogical University.
- *Usanov Vladimir Evgenievich*, Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov.

Specialty: 5.1.2. - Public legal (state legal) sciences

- *Mironov Vasily Olegovich*, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State Law and Management of Customs Activities, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs.
- *Sadovnikova Galina Dmitrievna*, Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, FSAEI HE «Moscow State Law University named after O.E. Kutafin» (MSLA).
- *Sangadzhiev Badma Vladimirovich*, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia).

Specialty: 5.1.3. - Private law (civil) sciences

- *Ivanova Svetlana Anatolyevna*, Doctor of Law, Professor, Professor, Department of State Law and Criminal Law Disciplines, Plekhanov Russian University of Economics, Honorary Lawyer of Russia, Expert of the Russian Academy of Sciences.
- *Levushkin Anatoly Nikolayevich*, Doctor of Law, Professor, Department of Business and

Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University, Professor, Department of Civil Law, Russian State University of Justice.

- *Strigunova Dina Pavlovna*, Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of International and Integration Law, Institute of Law and National Security, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation».

- *Eriashvili Nodary Darchoevich*, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Business and Labor Law Institute of Public Administration and Law of the State University of Management.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель:

С.А. Иванова, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»,
Почетный адвокат России, эксперт РАН.

- *А.П. Галоганов*, доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов.

- *В.Н. Жуков*, доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

- *В.В. Комарова*, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права РФ Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

- *Ю.В. Николаева*, доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

- *А.В. Рагулин*, доктор юридических наук, доцент, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, Председатель комиссии по защите прав адвокатов-членов адвокатских образований Гильдии Российских адвокатов.

- *М.С. Шайхуллин*, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, первый заместитель главного редактора, доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем прав.

- *Б.С. Эбзеев*, доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации (в отставке), член ЦИК России.

EDITORIAL BOARD

Chairman:

S.A. Ivanova, Doctor of Law, Professor,
Professor, Department of State Law and Criminal Law Disciplines,
Plekhanov Russian University of Economics, Honorary Lawyer of Russia,
Expert of the Russian Academy of Sciences

- *A.P. Galoganov*, Doctor of Law, Honored Lawyer of Russia, President of the Moscow Region Bar Association, President of the Federal Union of Lawyers of Russia, Vice President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers.
- *V.N. Zhukov*, Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor of the Department of Theory State and Law and Political Science, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University.
- *V.V. Komarova*, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Russian Federation, Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy).
- *Yu.V. Nikolaeva*, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Financial University under the Government of the Russian Federation
- *A.V. Ragulin*, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for Research on Problems of Organization and Activities of the Bar of the Eurasian Research Institute of Law Problems, Chairman of the Commission for the Protection of the Rights of Lawyers-Members of Lawyers Guilds of Russian Lawyers.
- *M.S. Shaikhullin*, Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, First Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for State Legal Research of the Eurasian Research Institute of Rights Problems.
- *B.S. Ebzeev*, Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation (in resignation), member of the CEC of Russia.

СОДЕРЖАНИЕ:

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Эриашвили Н. Д. * Правовой режим использования генеративного искусственного интеллекта в научной деятельности: авторство, достоверность и юридическая ответственность 11

ПСИХОЛОГИЯ

Некрасова К. И., Степанов Р. И., Подвигина Л. Н., Лазукина Н. Ю. * К вопросу о возможных причинах страхов у женщин, как только думающих о планировании беременности, так и у матерей в пренатальный и ранний постнатальный период 17

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

Дивянин В. А. * Технологии ORM-маркетинга в коммуникационной деятельности профессиональных образовательных организаций 20

Ларичева К. Д., Ведякин Ю. А. * Профилактика заболеваний у сотрудников МЧС с использованием оптимизированных программ физической подготовки 23

ПРАВО И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Грудцына Л. Ю. * Понятие и классификация механизмов охраны и защиты прав человека . . . 27

Корнева К. А. * О некоторых особенностях уголовно-правовой оценки фальсификации доказательств по гражданским делам по ч.1 ст.303 УК РФ 36

Герасик В. С. * Дискуссионные вопросы разграничения покушения на убийства и угрозы убийством в современной практике следствия и суда 40

Корсун В. В., Мельников В. Ю. * Особая жестокость в уголовном праве России: эволюция научных взглядов и проблемы квалификации 44

ПЕДАГОГИКА

Заикина М. С. * Профсоюзная организация в системе среднего профессионального образования как ресурс профессионального развития педагога 50

Дивянин В. А. * Цифровой маркетинг в коммуникационной деятельности профессиональных образовательных организаций 55

CONTENTS:

EDUCATIONAL POLICY

Eriashvili N. D. * Legal regime for the use of generative artificial intelligence in scientific activity: authorship, reliability and legal liability 11

PSYCHOLOGY

Nekrasova K. I., Stepanov R. I., Podvigina L. N., Lazukina N. Y. * Regarding the possible causes of anxiety in women who are just thinking about planning a pregnancy, as well as in mothers during the prenatal and early postnatal period 17

THEORY AND METHODOLOGY OF TEACHING AND UPBRINGING

Divyanin V. A. * ORM marketing technologies in the communication activities of professional educational organizations 20

Laricheva K. D., Vedyaskin Y. A. * Disease prevention among EMERCOM personnel using optimized physical training programs 23

LAW AND LEGISLATION

Grudtsyna L. Y. * The concept and classification of mechanisms for the safeguarding and protection of human rights 27

Korneva K. A. * On certain aspects of the criminal law assessment of the falsification of evidence in civil cases under Part 1 of Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation 36

Gerasik V. S. * Discussed issues regarding the distinction between attempted murder and threatened murder in modern investigative and court practice 40

Korsun V. V., Melnikov V. Y. * Special cruelty in Russian criminal law: evolution of scientific views and problems of qualification 44

PEDAGOGY

Zaikina M. S. * The union organization in the system of secondary professional education as a resource for professional development of teachers 50

Divyanin V. A. * Digital marketing in the communication activities of professional educational organizations 55

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.05.2026 г.

Дата принятия рукописи в печать: 30.07.2026 г.

ЭРИАШВИЛИ Нодари Дарчоевич,
кандидат юридических наук, кандидат исторических наук,
доктор экономических наук, профессор,
почетный работник сферы образования РФ,
лауреат премии Правительства РФ в области образования,
профессор кафедры гражданского и трудового права,
гражданского процесса Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя; профессор кафедры частного права
Государственного университета управления,
e-mail: professor60@mail.ru

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: АВТОРСТВО, ДОСТОВЕРНОСТЬ И ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Аннотация. Статья посвящена формированию специального правового режима использования генеративного искусственного интеллекта в научной деятельности. Обосновывается, что действующее российское законодательство регулирует отдельные элементы соответствующих отношений — статус результата интеллектуальной деятельности, оборот информации, обработку персональных данных и общие требования к научной деятельности, — однако не устанавливает единых правил раскрытия применения ИИ, проверки сгенерированных сведений и распределения ответственности. Предлагается разграничивать вспомогательное, аналитическое и содержательно-генеративное использование ИИ. Авторство научного произведения сохраняется только за физическим лицом, которое определило замысел, методологию и выводы, осуществило содержательную верификацию и способно нести ответственность за результат. Разработана модель обязательной декларации использования ИИ, журнала проверяемости источников и риск-ориентированного контроля научной организации или редакции. Сформулированы предложения о дополнении Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» нормами о цифровой научной добросовестности.

Ключевые слова: научная деятельность, генеративный искусственный интеллект, научная добросовестность, авторство, интеллектуальные права, достоверность, раскрытие использования ИИ, юридическая ответственность.

ERIASHVILI Nodari Darchoevich,
Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences,
Doctor of Economics, Professor, Honorary Worker of Education
of the Russian Federation, laureate of the Government of the Russian Federation
in the field of education, Professor of the Department of Civil and Labor Law,
Civil Procedure of the V.Ya. Kikot Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Professor of the Department
of Private Law of the State University of Management

LEGAL REGIME FOR THE USE OF GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN SCIENTIFIC ACTIVITY: AUTHORSHIP, RELIABILITY AND LEGAL LIABILITY

Annotation. The article develops a special legal regime for the use of generative artificial intelligence in scientific activity. Russian law currently regulates separate elements of these relations, including intellectual property, information circulation, personal data and general principles of science, but does not establish uniform rules for disclosure, verification and allocation of responsibility. The paper distinguishes auxiliary, analytical and content-generative uses of AI. Authorship remains with a natural person only when that person determines the research concept, methodology and conclusions, verifies the generated content and

accepts responsibility for the result. A mandatory AI-use declaration, a source-verification log and risk-based institutional review are proposed. The Federal Law on Science should be supplemented with provisions on digital research integrity.

Key words: scientific activity, generative artificial intelligence, research integrity, authorship, intellectual property, reliability, AI disclosure, legal liability.

Постановка проблемы

Генеративные модели перестали быть исключительно экспериментальным инструментом и вошли в повседневный цикл научной работы: они используются для поиска исследовательских гипотез, структурирования текста, обработки массивов данных, программирования, перевода, подготовки иллюстраций и первичного обзора литературы. Систематический обзор современных практик показывает, что наиболее востребованы генерация идей, структурирование материала, синтез литературы, управление данными и редакционная обработка текста [12]. Одновременно возникло принципиально новое юридическое обстоятельство: между исследователем и итоговым научным текстом появляется автономно функционирующий информационный посредник, способный создавать правдоподобное, но недостоверное содержание.

Действующее российское право исходит из антропоцентрической модели науки и творчества. Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ связывает научную деятельность с получением и применением новых знаний, но не определяет правила использования генеративных систем в процессе получения научного результата [1]. Часть четвертая Гражданского кодекса Российской Федерации признает автором гражданина, творческим трудом которого создано произведение [2]. Законы об информации и о персональных данных устанавливают общие требования к обороту сведений и обработке данных [3; 4]. В результате правовое регулирование оказывается фрагментарным: нормы существуют, но не соединены в специальный режим научной добросовестности в цифровой среде.

Актуальность проблемы усиливается тем, что Национальная стратегия развития искусственного интеллекта в редакции 2024 г. ориентирует государство на широкое внедрение технологий ИИ, развитие фундаментальных и прикладных исследований и формирование доверия к таким технологиям [5]. Следовательно, запретительная модель не соответствует стратегическим целям. Требуется разрешительный, но контролируемый режим, который сохраняет технологические преимущества и одновременно обеспечивает проверяемость научного знания.

Цель статьи состоит в разработке юридической конструкции использования генеративного ИИ в научной деятельности. Для ее достижения применены формально-юридический, сравнительно-правовой, системный и риск-ориентированный методы. Научная новизна заключается в обосновании категории «цифровая научная

добросовестность», дифференциации режимов применения ИИ и формулировании механизма юридически значимого раскрытия такого применения.

1. Генеративный ИИ как элемент научной деятельности, а не самостоятельный субъект

Правовая квалификация должна начинаться не с вопроса о «правосубъектности» модели, а с определения функции технологии в конкретном исследовательском процессе. Генеративная система не формирует собственную научную цель, не обладает правовым интересом, не принимает на себя обязанность исправить ошибку и не может отвечать перед редакцией, грантодателем, работодателем или обществом. Поэтому наделение ее статусом автора разрушило бы связь между интеллектуальным вкладом и ответственностью. Международные редакционные стандарты исходят из того же подхода: COPE прямо исключает возможность указания ИИ в качестве автора [10], а рекомендации ICMJE требуют сохранять ответственность за точность, оригинальность и корректность ссылок за людьми [11].

Вместе с тем простое утверждение, что ИИ является лишь техническим средством, недостаточно. Калькулятор воспроизводит детерминированную операцию, тогда как генеративная модель предлагает вероятностно сформированный текст, код или изображение, способные существенно повлиять на постановку вопроса и выводы. Поэтому юридически значим не сам факт использования программы, а степень ее влияния на содержание научного результата.

Предлагается выделить три режима. Первый — вспомогательный: проверка орфографии, перевод под контролем автора, форматирование, техническое преобразование данных. Он сопоставим с использованием обычного программного обеспечения и, как правило, не требует развернутого раскрытия. Второй — аналитический: кластеризация данных, построение моделей, поиск закономерностей, подготовка кода, ранжирование источников. Здесь требуется описание инструмента, версии, исходных данных и процедуры проверки в разделе методологии. Третий — содержательно-генеративный: создание фрагментов текста, аргументов, выводов, интерпретаций, обзора литературы либо изображений, включаемых в публикацию. Такой режим требует специальной декларации и повышенной проверки.

Данная классификация согласуется с риск-ориентированной логикой европейского Акта об искусственном интеллекте, который дифференцирует требования в зависимости от назначения и потенциального вреда системы, а также уста-

навливают отдельные обязанности в отношении моделей общего назначения [6]. Научная деятельность не должна механически копировать европейские категории риска, однако сам принцип пропорциональности контроля полезен: чем сильнее модель влияет на доказательственную и смысловую часть исследования, тем выше требования к прозрачности и человеческому надзору.

В российской доктрине обоснованно подчеркивается необходимость смещения акцента с абстрактного признания ИИ субъектом на регулирование использования созданных с его помощью решений и результатов [18]. Современная концепция перформативного авторства также демонстрирует, что охрана должна зависеть от проверяемого человеческого созидательного вклада, а не от формального предъявления готового цифрового артефакта [19]. Для научных произведений этот тезис имеет особую силу: охраняется форма, но общественная ценность публикации определяется еще и достоверностью знания.

2. Авторство и интеллектуальные права на научный результат

В соответствии со статьями 1228 и 1257 ГК РФ автором результата интеллектуальной деятельности является гражданин, творческим трудом которого он создан [2]. Отсюда следует, что полностью автономно сгенерированный материал не приобретает автора в гражданско-правовом смысле. Пользователь модели также не становится автором автоматически: ввод темы или общего запроса может быть организационным действием, не достигающим уровня творческого вклада.

Для признания исследователя автором научного произведения, подготовленного с использованием ИИ, предлагается применять совокупность критериев: самостоятельное определение проблемы и гипотезы; выбор методологии; формирование структуры доказательства; критический отбор и переработка сгенерированного содержания; проверка источников и данных; формулирование выводов; способность объяснить ход исследования и воспроизвести основные операции. Ни один промпт сам по себе не заменяет эти элементы. Авторство возникает не из факта управления интерфейсом, а из контролируемого интеллектуального процесса.

Необходимо различать авторство произведения и права на исходные материалы. Научный текст может содержать фрагменты, статистические данные, изображения или программный код, воспроизводящие охраняемые объекты. Генеративная модель не предоставляет пользователю гарантии правовой чистоты результата. WIPO указывает на необходимость оценки рисков, связанных как с обучающими данными, так и с создаваемым контентом [9]. Следовательно, исследователь обязан проверять происхождение заимствований и получать разрешения в тех случаях, когда свободное использование неприменимо.

Особую проблему образует машинное перефразирование. Формальное отсутствие буквального совпадения не исключает неправомерного присвоения научной идеи, структуры аргументации или результатов чужого исследования. В правовом смысле идеи и методы сами по себе не охраняются авторским правом, однако их недобросовестное представление как собственных может нарушать требования академической этики, условия договора, локальные акты организации и правила редакции. Поэтому антиплагиатная проверка должна дополняться содержательной экспертизой происхождения тезисов.

Предлагается закрепить презумпцию человеческого авторства при раскрытом и добросовестном использовании ИИ. Если автор описал роль модели, сохранил материалы проверки и способен подтвердить собственный определяющий вклад, применение технологии не умаляет его прав. Соккрытие содержательно-генеративного использования, напротив, должно рассматриваться как обстоятельство, опровергающее достоверность заявления об авторском вкладе и способное повлечь отказ в публикации, отзыв статьи или дисциплинарные последствия.

3. Достоверность научного знания и проблема «галлюцинаций»

Основной публично-правовой риск генеративного ИИ в науке состоит не в создании нового объекта авторского права, а в производстве непроверенного знания с внешними признаками научности. Исследование 243 случаев искаженной информации позволило выделить восемь крупных групп ошибок, включая необоснованную фабрикацию, фактические, логические, математические и текстовые ошибки [14]. Для научной публикации особенно опасны вымышленные источники, неверные реквизиты нормативных актов, несуществующие судебные решения и ссылки, которые формально существуют, но не подтверждают тезис.

Эмпирические данные подтверждают системность проблемы. В исследовании качества ссылок семи крупных языковых моделей от 50 до 90 процентов ответов оказались не полностью подтверждены указанными источниками; даже при использовании веб-поиска значительная часть отдельных утверждений оставалась без надлежащей опоры [15]. Ранее было показано, что библиографические ссылки, создаваемые ChatGPT, нередко содержат фабрикацию и ошибки [16]. В 2026 г. Nature сообщило о признаках массового проникновения недействительных ссылок в научные публикации 2025 г. [17].

Юридическое значение таких ошибок различается. Непреднамеренная неточность может повлечь исправление публикации. Грубая небрежность при отсутствии проверки — дисциплинарную, договорную или репутационную ответственность. Сознательное включение вы-

мысленных данных или ссылок для имитации доказанности должно квалифицироваться как форма фальсификации научного результата. Если недостоверный материал используется в отчете по государственному заданию, гранту, экспертизе безопасности либо становится основанием управленческого решения, возможны имущественные и публично-правовые последствия.

Категория цифровой научной добросовестности может быть определена как обязанность исследователя обеспечивать прослеживаемость происхождения цифрового содержания, проверяемость фактов и ссылок, прозрачность существенного использования алгоритмических инструментов и сохранение человеческого контроля над выводами. Она конкретизирует общую добросовестность применительно к гибриднему человеку-машинному производству знания.

Минимальный стандарт проверки должен включать: открытие и чтение каждого цитируемого источника; сверку автора, названия, года, страниц и DOI; подтверждение того, что источник действительно поддерживает конкретный тезис; проверку реквизитов нормативных актов по официальным базам; повторный расчет числовых результатов независимым способом; фиксацию версии модели и даты обращения. Простая фраза «текст проверен автором» не создает достаточной доказательственной базы.

4. Конфиденциальность, персональные данные и охраняемая информация

Использование внешнего сервиса ИИ означает передачу данных оператору цифровой платформы. В научной работе такими данными могут быть неопубликованные рукописи, результаты эксперимента, персональные данные участников исследования, врачебная, коммерческая или иная охраняемая законом тайна. Федеральные законы № 149-ФЗ и № 152-ФЗ требуют соблюдения режима доступа к информации и законных оснований обработки персональных данных [3; 4]. Однако исследователь нередко воспринимает диалог с моделью как локальную работу с текстовым редактором, не оценивая трансграничную передачу, хранение запросов и возможность их использования для улучшения сервиса.

Международные редакционные рекомендации запрещают загружать конфиденциальные рукописи в системы, которые не обеспечивают соответствующий режим, поскольку это нарушает тайну рецензирования и привилегированный характер коммуникации [11]. Такой же подход должен распространяться на диссертационные советы, грантовую экспертизу и внутреннюю оценку проектов.

Научная организация обязана утвердить перечень допустимых сервисов и классов данных. Для открытых материалов возможно использование общедоступных моделей. Для обезличенных исследовательских данных — только при доку-

ментированной оценке риска повторной идентификации. Для сведений ограниченного доступа — локальные модели или защищенная инфраструктура, исключающая передачу третьим лицам. Нарушение этих правил следует рассматривать отдельно от недостоверности результата: даже корректный ответ модели может быть получен неправомерным способом.

5. Модель правового регулирования и распределение ответственности

Международные документы формируют устойчивый консенсус относительно человеко-центричности, прозрачности и подотчетности ИИ. Рекомендация ЮНЕСКО по этике искусственного интеллекта закрепляет принципы человеческого надзора, безопасности и ответственности [7]. Руководство ЮНЕСКО по генеративному ИИ в образовании и исследованиях предлагает государствам разрабатывать долгосрочную политику и укреплять способность человека контролировать технологию [8]. COPE и ICMJE переводят общие принципы в редакционные обязанности раскрытия [10; 11].

Российская модель должна быть многоуровневой. На уровне закона необходимо закрепить основные обязанности и гарантии. На уровне Правительства Российской Федерации или уполномоченного органа — утвердить рамочные требования к использованию ИИ в исследованиях, финансируемых из бюджета. На уровне научной организации, диссертационного совета и редакции — установить конкретные процедуры с учетом отраслевых рисков.

В Федеральный закон № 127-ФЗ целесообразно включить статью «Использование систем искусственного интеллекта в научной и научно-технической деятельности». В ней следует закрепить: право исследователя применять ИИ при сохранении человеческого контроля; обязанность раскрывать существенное влияние системы на содержание и методы; запрет указывать систему ИИ в качестве автора; обязанность проверять факты, ссылки и данные; запрет передавать сведения ограниченного доступа без законного основания; обязанность научной организации утвердить локальную политику и обеспечить обучение работников.

Юридически значимым документом должна стать декларация использования ИИ. В ней указываются наименование и версия системы, дата использования, цели, категории переданных данных, части исследования, в которых применялся инструмент, и способы проверки. Декларация не обязательно публикуется полностью, но хранится вместе с материалами исследования. Для публикации достаточно стандартизированного сообщения, например: «Генеративный ИИ использовался для языкового редактирования и первичной классификации источников; все ссылки и выводы проверены автором». При содержательной гене-

рации требуется более подробное описание.

Второй элемент — журнал проверяемости. Он включает перечень сгенерированных тезисов, подтверждающие источники, результаты сверки и сведения о внесенных исправлениях. Такой журнал выполняет доказательственную функцию при споре об авторстве, добросовестности или качестве исследования. Его ведение обязательно для работ высокого риска: медицинских, инженерных, юридических заключений, исследований, влияющих на безопасность и государственное управление.

Ответственность должна распределяться по принципу контролируемой сферы риска. Исследователь отвечает за содержание представленного результата и соблюдение режима данных. Научная организация отвечает за отсутствие необходимых правил, обучения и защищенной инфраструктуры. Редакция отвечает за соблюдение собственной процедуры, но не подменяет автора в проверке первичных данных. Разработчик или оператор ИИ несет ответственность в пределах законодательства и договора за свойства сервиса, безопасность и предоставленную информацию о его ограничениях. Перенос всей ответственности на пользователя несправедлив, но освобождение пользователя ссылкой на ошибку модели также недопустимо.

Санкции должны быть пропорциональны. Для незначительного нераскрытия — требование дополнить декларацию. Для небрежной публикации недостоверных ссылок — исправление, предупреждение, отзыв публикации, возврат финансирования в предусмотренных договором случаях. Для сознательной фабрикация данных — признание нарушения научной этики, дисциплинарные меры и иные виды ответственности при наличии состава правонарушения. Автоматические детекторы ИИ-текста не могут быть самостоятельным доказательством нарушения из-за вероятностного характера; решение должно основываться на совокупности материалов и прав автора дать объяснения.

Предлагаемая модель не тормозит инновации. Напротив, она снижает неопределенность: исследователь понимает допустимые способы применения технологии, редакция получает единый стандарт, а общество — гарантии происхождения и проверяемости научного знания. Комментарий о генеративном ИИ как «друге или враге» научного письма справедливо сводит проблему к качеству институциональных правил, а не к самой технологии [13].

Заключение

Генеративный искусственный интеллект изменяет не только техническую сторону подготовки научных текстов, но и юридическую архитектуру научной деятельности. Он усиливает продуктивность, однако создает новые риски недостоверности, неясности авторского вклада, на-

рушения интеллектуальных прав и утечки охраняемой информации.

Действующее российское законодательство позволяет разрешать отдельные споры, но не формирует целостного превентивного режима. Основным объектом регулирования должен быть не «электронный субъект», а поведение участников научного процесса при использовании технологии. Автором может быть только физическое лицо, сохранившее определяющий творческий и методологический вклад, проверившее результат и принявшее ответственность.

Предложенная конструкция цифровой научной добросовестности включает дифференциацию способов использования ИИ, обязательную декларацию существенного применения, журнал проверяемости, ограничения на передачу данных и риск-ориентированный институциональный контроль. Закрепление этих элементов в Федеральном законе № 127-ФЗ и локальных актах научных организаций позволит соединить свободу научного творчества, развитие технологий и доверие к результатам российской науки.

Список литературы:

- [1] О науке и государственной научно-технической политике: Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 35. Ст. 4137.
- [2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.
- [3] Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.
- [4] О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.
- [5] О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 (в ред. Указа Президента Российской Федерации от 15.02.2024 № 124) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 19.07.2026).
- [6] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. 2024. L 2024/1689.
- [7] Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. Paris: // UNESCO, 2021. URL: unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137 (дата обращения: 19.07.2026).
- [8] Miao F., Holmes W. Guidance for Generative AI in Education and Research. Paris: UNESCO, 2023. 44 p.
- [9] Generative AI: Navigating Intellectual Property. Geneva: // World Intellectual Property Organization, 2024. URL: wipo.int/publications/en/details.jsp?id=4713

(дата обращения: 19.07.2026).

[10] Authorship and AI Tools: COPE Position Statement. // Committee on Publication Ethics, 2023. URL: publicationethics.org/guidance/cope-position/authorship-and-ai-tools (дата обращения: 19.07.2026).

[11] Recommendations for the Conduct, Reporting, Editing, and Publication of Scholarly Work in Medical Journals. Updated January 2026. International Committee of Medical Journal Editors. // International Committee of Medical Journal Editors. URL: icmje.org/recommendations/ (дата обращения: 19.07.2026).

[12] Khalifa M., Albadauy M. Using Artificial Intelligence in Academic Writing and Research: An Essential Productivity Tool // Computer Methods and Programs in Biomedicine Update. 2024. Vol. 5. Art. 100145.

[13] Cohen J. F., Moher D. Generative Artificial Intelligence and Academic Writing: Friend or Foe? // Journal of Clinical Epidemiology. 2025. Vol. 179. Art. 111646.

[14] Sun Y., Sheng D., Zhou Z., Wu Y. AI Hallucination: Towards a Comprehensive Classification of Distorted Information in Artificial Intelligence-Generated Content // Humanities and Social Sciences Communications. 2024. Vol. 11. Art. 1278.

[15] Wu K., Wu E., Wei K. et al. An Automated Framework for Assessing How Well LLMs Cite Relevant Medical References // Nature Communications. 2025. Vol. 16. Art. 3615.

[16] Walters W. H., Wilder E. I. Fabrication and Errors in the Bibliographic Citations Generated by ChatGPT // Scientific Reports. 2023. Vol. 13. Art. 14045.

[17] Naddaf M., Quill E. Hallucinated Citations Are Polluting the Scientific Literature. What Can Be Done? // Nature. 2026. 1 April. // Nature. URL: nature.com/articles/d41586-026-00969-z (дата обращения: 19.07.2026).

[18] Ли Яо. Особенности нормативно-правового регулирования генеративного искусственного интеллекта в Великобритании, США, Евросоюзе и Китае // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16. № 3. С. 245–267.

[19] Будник Р. А. Правовая концепция перформативного авторства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2026. Т. 19. № 1. С. 81–111.

References:

[1] On Science and State Scientific and Technical Policy: Federal Law No. 127-FZ of August 23, 1996 // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 35. Art. 4137.

[2] Civil Code of the Russian Federation (Part Four): Federal Law No. 230-FZ of December 18, 2006 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 52 (Part 1). Art. 5496.

[3] On Information, Information Technologies, and Information Protection: Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (Part 1). Art. 3448.

[4] On Personal Data: Federal Law No. 152-FZ of July 27, 2006 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (Part 1). Art. 3451.

[5] On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 490 of October 10, 2019 (as amended by Decree of the President of the Russian Federation No. 124 of February 15, 2024) // Official Internet Portal of Legal Information. URL: publication.pravo.gov.ru (accessed: July 19, 2026).

[6] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. 2024. L 2024/1689.

[7] Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. Paris: // UNESCO, 2021. URL: unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137 (access date: 07/19/2026).

[8] Miao F., Holmes W. Guidance for Generative AI in Education and Research. Paris: UNESCO, 2023. 44 p.

[9] Generative AI: Navigating Intellectual Property. Geneva: // World Intellectual Property Organization, 2024. URL: wipo.int/publications/en/details.jsp?id=4713 (access date: 07/19/2026).

[10] Authorship and AI Tools: COPE Position Statement. // Committee on Publication Ethics, 2023. URL: publicationethics.org/guidance/cope-position/authorship-and-ai-tools (access date: 07/19/2026).

[11] Recommendations for the Conduct, Reporting, Editing, and Publication of Scholarly Work in Medical Journals. Updated January 2026. International Committee of Medical Journal Editors. // International Committee of Medical Journal Editors. URL: icmje.org/recommendations/ (accessed 07/19/2026).

[12] Khalifa M., Albadauy M. Using Artificial Intelligence in Academic Writing and Research: An Essential Productivity Tool // Computer Methods and Programs in Biomedicine Update. 2024. Vol. 5. Art. 100145.

[13] Cohen J. F., Moher D. Generative Artificial Intelligence and Academic Writing: Friend or Foe? // Journal of Clinical Epidemiology. 2025. Vol. 179. Art. 111646.

[14] Sun Y., Sheng D., Zhou Z., Wu Y. AI Hallucination: Towards a Comprehensive Classification of Distorted Information in Artificial Intelligence-Generated Content // Humanities and Social Sciences Communications. 2024. Vol. 11. Art. 1278.

[15] Wu K., Wu E., Wei K. et al. An Automated Framework for Assessing How Well LLMs Cite Relevant Medical References // Nature Communications. 2025. Vol. 16. Art. 3615.

[16] Walters W. H., Wilder E. I. Fabrication and Errors in the Bibliographic Citations Generated by ChatGPT // Scientific Reports. 2023. Vol. 13. Art. 14045.

[17] Naddaf M., Quill E. Hallucinated Citations Are Polluting the Scientific Literature. What Can Be Done? // Nature. 2026. 1 April. // Nature. URL: nature.com/articles/d41586-026-00969-z (accessed: 19.07.2026).

[18] Li Yao. Regulatory Frameworks for Generative Artificial Intelligence in the UK, the USA, the EU, and China // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2023. Vol. 16. No. 3. P. 245–267.

[19] Budnik R. A. The Legal Concept of Performative Authorship // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2026. Vol. 19. No. 1. P. 81–111.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.06.2026 г.

Дата принятия рукописи в печать: 30.07.2026 г.

НЕКРАСОВА Карина Иоскаевна,

старший преподаватель

ФГБОУ ВО Уральского Государственного Аграрного Университета,

магистрант и аспирант УрГПУ,

e-mail: melindochka@yandex.ru

СТЕПАНОВ Роман Иванович,

доцент кафедры иностранных языков

ФГБОУ ВО Уральского Государственного Аграрного Университета,

кандидат педагогических наук,

e-mail: ramanist89@mail.ru

ПОДВИГИНА Лариса Николаевна,

доцент кафедры иностранных языков

ФГБОУ ВО Уральского Государственного Аграрного Университета,

кандидат филологических наук,

e-mail: L.unique@mail.ru

ЛАЗУКИНА Надежда Юрьевна,

преподаватель

ФГБОУ ВО Уральского Государственного Аграрного Университета,

e-mail: nlazukina@mail.ru

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНЫХ ПРИЧИНАХ СТРАХОВ У ЖЕНЩИН, КАК ТОЛЬКО ДУМАЮЩИХ О ПЛАНИРОВАНИИ БЕРЕМЕННОСТИ, ТАК И У МАТЕРЕЙ В ПРЕНАТАЛЬНЫЙ И РАННИЙ ПОСТНАТАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

Аннотация. Статья посвящена вопросу переживания женщинами страха материнства в контексте подготовки к материнству, принятия новой роли, изменений в жизни. Анализируются возможные причины страхов и их последствия. В статье также анализируются, какие страхи сейчас бытуют в обществе, откуда у женщины страх быть мамой и с какими явлениями чаще всего они связаны.

Ключевые слова: тревожность у беременных, страх, страхи матерей, материнство, пренатальная диагностика, беременность.

NEKRASOVA Karina Ioskaevna,

Senior Lecturer,

Ural State Agrarian University,

Master's and PhD student, Ural State Pedagogical University

STEPANOV Roman Ivanovich,

Associate Professor, Department of Foreign Languages,

Ural State Agrarian University,

Candidate of Pedagogical Sciences

PODVIGINA Larisa Nikolaevna,

Associate Professor, Department of Foreign Languages,

Ural State Agrarian University,

Candidate of Philological Sciences

LAZUKINA Nadezhda Yuryevna,

Lecturer,

Ural State Agrarian University

REGARDING THE POSSIBLE CAUSES OF ANXIETY IN WOMEN WHO ARE JUST THINKING ABOUT PLANNING A PREGNANCY, AS WELL AS IN MOTHERS DURING THE PRENATAL AND EARLY POSTNATAL PERIOD

Annotation. The article is devoted to the issue of women experiencing fear of motherhood in the context of preparing for motherhood, accepting a new role, and changes in life. The possible causes of these fears and their consequences are analyzed. The article also analyzes what fears are currently prevalent in society, where a woman's fear of being a mother comes from, and what phenomena they are most often associated with.

Key words: anxiety in pregnant women, fear, mothers' fears, motherhood, prenatal diagnosis, pregnancy.

Изучение возможных причин страхов у женщин, как только думающих о планировании беременности, так и у матерей в пренатальный и ранний постнатальный период развития ребенка представляется весьма актуальным как в теоретическом плане – для научного осмысления данной важной, но, тем не менее, недостаточно хорошо разработанной проблематики, так и в практическом отношении – для дальнейшей разработки психопрофилактических программ работы с родителями, включая только планирующих ими стать.

Сухарева Н. Ф. и Шелепнева А. А. в своей статье «Страхи матерей в пренатальный и ранний постнатальный период развития ребенка» справедливо отмечают, что: «Перинатальный период обычно бывает насыщен различными страхами. В той или иной степени их испытывают многие родители, включая молодые пары, которые только мечтают стать родителями; пары, которые уже ожидают рождения своего ребенка; пары, у которых есть дети до трех лет. Страхи несут как положительные, так и отрицательные последствия». [1, с.361]

В качестве позитивных моментов подобных страхов авторы статьи отмечают мобилизацию сил, ресурсов и воли человека для активной деятельности, что бывает необходимо зачастую в критической ситуации, а также возможность действовать в условиях дефицита информации, когда чувствуется нехватка знаний для принятия всесторонне обоснованного решения; а также осторожное поведение, связанное с поиском безопасной среды существования; самосохранением, предупреждением возникновения опасных ситуаций и т.п. [1, с.361]

Сухарева Н. Ф. и Шелепнева А. А. отмечают, что «Очень часто в силу ряда причин родители поддаются необоснованным страхам за жизнь и здоровье ребенка. Некоторые девушки вообще боятся стать мамами. Подобные страхи могут перерасти в тревожный невроз, который имеет негативные последствия, так как психоэмоциональное благополучие ребенка напрямую зависит от состояния мамы. В то же время отсутствие тревожности и страхов также негативно сказывается на малыше: его психика оказывается неподготовленной к внешним воздействиям. Через переживания

мамы ребенок учится реагировать на внешние раздражители негативного характера». [1, с.361]

Черных Н. А. в своей статье «Материнство как социально-обусловленный феномен. Эмпирическое исследование тревожности беременных» приводит примеры страхов: «Типичными страхами беременных (особенно первородящих) являются: «страх непривлекательности» для мужа; страх потери ребенка («невывашивания»), страх кардинальной перемены в жизни; «страх быть плохой матерью»». [2, с.95]

Также она отмечает, что «психологи и медики отмечают, что тревожность у беременных – это временное состояние, которое они могут преодолеть самостоятельно или с помощью близких. Однако если женщина постоянно находится в угнетенном состоянии, которое сопровождается бессонницей, потерей или снижением аппетита, апатией, чувством безысходности – это признаки депрессии». [2, с.95]

В заключении статьи «Материнство как социально-обусловленный феномен. Эмпирическое исследование тревожности беременных» к.п.н. Черных Н. А. констатирует тот факт, что «в настоящее время в ситуации общей нестабильности, даже опытные матери могут испытывать эмоциональные трудности в процессе беременности. При этом они могут быть совершенно не связаны со здоровьем женщин, а обусловлены исключительно социальными факторами». [2, с.96]

Страх матери о том, что у нее будет нездоровый ребенок, сказывается не только на желании беременеть, желании сохранить или не сохранить беременность, но и на лактации. Как пишет по этому поводу Суханова Е. И. в своей статье «Рекомендации по поддержке лактации у матерей в условиях отделений реанимации и интенсивной терапии новорожденных: взгляд перинатального психолога»: «Страх за то, что ребенок не выживет или будет неполноценным, препятствует осознанию матерью необходимости сохранения лактации в интересах его будущего». [5] В данной научной статье рассмотрены некоторые трудности налаживания грудного вскармливания в отделениях реанимации и интенсивной терапии новорожденных; и помимо прочего уделяется внимание такому аспекту, как работа медицинского психолога со страхами и тревогами мамы в

отношении ребенка и грудного вскармливания.

Суханова Е. И. отмечает, что большинство женщин рассматривают лактацию как связь с ребенком и свой посильный вклад в заботу о нем, при этом констатирует, что: «...однако в некоторых случаях страхи, например, что ребенок не выживет и грудное вскармливание не понадобится, а только вызовет моральные переживания, могут способствовать отказу от стимуляции лактации, как и от посещения ребенка. Подобные переживания требуют индивидуального подхода. Психологическая помощь также может быть направлена на установление эмоциональной связи с ребенком, как на этапе беременности, так и после преждевременных родов, что благотворно сказывается на установлении лактации [3] или повышении уверенности мамы в своей способности кормить грудью. Данное чувство является важным для начала и длительного и успешного грудного вскармливания [4]». [5]

Дальнейшие исследования о страхе материнства, как в заключении хотелось бы отметить, нужны для комплексного изучения этого феномена с разных сторон: теоретической, практической и социальной. Они могут помочь глубже понять природу страха материнства, его причины, проявления и последствия, а также разработать эффективные методы поддержки женщин на любом этапе.

Список литературы:

[1] Сухарева Н.Ф., Шелепнева А.А. Страхи матерей в пренатальный и ранний постнатальный период развития ребенка // Проблемы современного педагогического образования. № 66-4. 2020. С. 360-363.

[2] Черных Н.А. Материнство как социально-обусловленный феномен. Эмпирическое исследование тревожности беременных // Вестник Костромского государственного университета. Серия: педагогика. Психология. Социокинетика. 2016. № 2. Т. 22. С. 94-99.

[3] Как побороть гипогалактию? Профилактика и успешное лечение гипогалактии. // Медицинский совет. 2019. № 2. С.21-24.

[4] M. Piro u M. Ahmed. Impacts of antenatal nursing interventions on mothers' breastfeeding self-efficacy: an experimental study // *Pregnancy and Childbirth*. 2020. Vol. 20, No. 1, Art. 19.

[5] Суханова Е.И. Рекомендации по поддержке лактации у матерей в условиях отделений реанимации и интенсивной терапии новорожденных: взгляд перинатального психолога // *Неонатология: новости, мнения, обучение*. 2024. 12(3). С. 82-85.

[6] Мазур Д.А., Бурлакова Н.С. Отложенное материнство как феномен современного родительства. *Современная зарубежная психология*. 2025. № 14(4). С. 146-154.

[7] Paksi V., Nagy B., Tardos K. Perceptions of barriers to motherhood: Female STEM PhD students' changing family plans. *Social Inclusion*. 2022. 10(3). P. 149-159.

References:

[1] Sukhareva N.F., Shelepneva A.A. Mothers' fears during the prenatal and early postnatal periods of child development // *Problems of Modern Pedagogical Education*. No. 66-4. 2020. P. 360-363.

[2] Chernykh N.A. Motherhood as a socially conditioned phenomenon: An empirical study of anxiety in pregnant women // *Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*. 2016. No. 2. Vol. 22. P. 94-99.

[3] How to overcome hypogalactia? Prevention and successful treatment of hypogalactia // *Medical Council*. 2019. No. 2. P. 21-24.

[4] M. Piro and M. Ahmed. Impacts of antenatal nursing interventions on mothers' breastfeeding self-efficacy: an experimental study // *Pregnancy and Childbirth*. 2020. Vol. 20, No. 1, Art. 19.

[5] Sukhanova E.I. Recommendations for supporting lactation in mothers within neonatal intensive care units: A perinatal psychologist's perspective // *Neonatology: News, Opinions, Training*. 2024. 12(3). P. 82-85.

[6] Mazur D.A., Burlakova N.S. Delayed motherhood as a phenomenon of modern parenthood // *Journal of Modern Foreign Psychology*. 2025. No. 14(4). P. 146-154.

[7] Paksi V., Nagy B., Tardos K. Perceptions of barriers to motherhood: Female STEM PhD students' changing family plans. *Social Inclusion*. 2022. 10(3). P. 149-159.

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.06.2026 г.

Дата принятия рукописи в печать: 30.07.2026 г.

*ДИВЯНИН Вячеслав Анатольевич,
e-mail: 4990030@mail.ru*

ТЕХНОЛОГИИ ORM-МАРКЕТИНГА В КОММУНИКАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Аннотация. Статья посвящена вопросам управления репутацией (ORM – Online Reputation Management) в сфере профессионального образования. В статье обосновывается важность управления репутацией в коммуникационной деятельности профессиональных образовательных организаций, рассматривается понятие ORM и его роль в создании и поддержании положительного имиджа профессиональных образовательных организаций в интернете. Подчеркивается, что недостаточное использование ORM-технологий ограничивает потенциал образовательных организаций в коммуникационной деятельности.

Ключевые слова: маркетинговые коммуникации, ORM-маркетинг, инструменты маркетинговых коммуникаций, управление репутацией.

DIVYANIN Vyacheslav Anatolyevich

ORM MARKETING TECHNOLOGIES IN THE COMMUNICATION ACTIVITIES OF PROFESSIONAL EDUCATIONAL ORGANIZATIONS

Annotation. This article addresses issues related to Online Reputation Management (ORM) in the field of vocational education. It substantiates the importance of reputation management within the communication activities of vocational educational institutions and examines the concept of ORM and its role in establishing and maintaining a positive online image for these organizations. The article emphasizes that the underutilization of ORM technologies limits the potential of educational institutions in their communication efforts.

Key words: marketing communications, ORM marketing, marketing communication tools, reputation management.

Технологии ORM-маркетинга, признанные ключевым вектором развития в современной теории и практике управления коммерческими организациями, представляют собой сравнительно новую область для научных исследований в деятельности профессиональных образовательных организаций. Многие профессиональные образовательные организации недооценивают значимость управления репутацией, что является существенным упущением в их коммуникационной деятельности. Если профессиональные образовательные организации организуют эффективные коммуникационные мероприятия, но при этом сталкиваются с негативными отзывами, успешность их программ маркетинговых коммуникаций может оказаться под сомнением. При этом, в научной литературе недостаточно внимания уделяется управлению репутацией профессиональных об-

разовательных организаций.

Репутация организации – образ, сформировавшийся в сознании людей, который базируется на основании реальных или приписанных свойств конкретной организации [2]. ORM (англ. Online Reputation Management) – это комплексное управление репутацией в интернете. Он включает в себя набор инструментов для создания и поддержания положительного имиджа организации в сети Интернет. В его задачи входит не только работа с поисковыми системами, но и взаимодействие с другими онлайн-платформами, такими как форумы, социальные сети, блоги и средства массовой информации.

Целесообразность применения ORM-маркетинга в профессиональных образовательных организациях предоставляет ряд выгод:

1. Помогает сделать выбор в пользу данной образовательной организации.

Будущие обучающиеся и их родители тщательно анализируют различные образовательные организации, изучают отзывы на различных сайтах, социальных сетях в интернете. Образовательные организации, получающие положительные отзывы, имеют значительное преимущество.

2. Высокое доверие со стороны целевой аудитории.

Эксперты подчёркивают, что хорошая репутация в глазах родителей и обучающихся придаёт дополнительную психологическую ценность всему, что происходит в образовательной организации. В условиях конкуренции именно хорошая репутация, основанная на информации о высоких достижениях, современном оборудовании и профессионализме педагогов, помогает привлечь обучающихся и родителей к образовательной организации.

3. Помогает привлекать профессионалов высокого уровня.

Всем известно, что зарплата не является единственным фактором успеха. Рост вознаграждения сам по себе не гарантирует повышения качества и эффективности работы каждого члена коллектива. Важно, чтобы сотрудники чувствовали значимость и престиж своей работы.

4. Помогает привлекать новых партнёров для взаимодействия с образовательной организацией.

Организации-партнёры с большей охотой взаимодействуют с организацией, имеющими хорошую репутацию, заключают договоры о сотрудничестве и готовы оказывать помощь и поддержку.

5. Инвестирование в долгосрочное развитие организации. Формирование репутации – это вложение в будущее организации, которое необходимо для достижения серьёзных долговременных результатов [1].

Исходя из проведенного анализа, автор приходит к выводу о целесообразности и актуальности использования технологии ORM в коммуникационной деятельности профессиональных образовательных организаций.

Основные направления работы в сфере ORM профессиональной образовательной организации автором предлагаются следующие:

- Распространение и популяризация позитивной информации о бренде: новостные статьи, партнёрство с инфлюенсерами и др.
- Снижение негативного восприятия бренда посредством активного реагирования на критические комментарии и отзывы.
- Регулярный мониторинг упоминаний бренда в сети интернет.

Онлайн-репутация — это совокупность мнений и отзывов, которые люди оставляют о профессиональной образовательной организации или её образовательных программах. Она играет ключевую роль в формировании доверия со стороны будущих и текущих студентов, родителей,

партнёров и других заинтересованных сторон. Репутация образовательной организации может быстро меняться, поэтому её необходимо эффективно управлять.

Отзывы существенно влияют на восприятие образовательной организации. В условиях конкуренции положительная репутация становится важным фактором для привлечения новых обучающихся. Множество положительных отзывов создаёт благоприятный имидж, что может способствовать увеличению числа поступающих. Однако важно также оперативно реагировать на критические замечания и негативные комментарии, рассматривая их как ценный источник обратной связи для улучшения качества услуг.

Для повышения уровня образовательного продукта, укрепления лояльности клиентов и формирования доверительных отношений необходимо систематически собирать обратную связь от обучающихся. Это включает мониторинг добровольных отзывов на веб-сайте, в социальных сетях, по электронной почте и на специализированных платформах, а также инициативный сбор мнений, организованный самой организацией. Такая стратегия улучшает восприятие бренда и демонстрирует приверженность постоянному совершенствованию образовательных программ.

Интернет-репутация играет важную роль в выборе образовательной организации для будущих обучающихся и их родителей. Поэтому важно собирать позитивные отзывы, оперативно отвечать на негатив, публиковать успехи выпускников и размещать отзывы на сайте и в социальных сетях.

Репутационный фон — это совокупность информации и отзывов о конкретной профессиональной образовательной организации. Он может быть положительным, отрицательным или нейтральным. Репутационный фон может быстро меняться, поэтому важно грамотно управлять репутацией.

Для управления репутацией применяют следующие инструменты:

1. SERM (англ. Search Engine Reputation Management) — это комплекс мер, направленный на улучшение имиджа организации в интернете. Он объединяет в себе элементы SEO и PR, являясь частью более широкой стратегии ORM (управление репутацией в интернете). Используя SERM, образовательные организации могут повысить видимость положительных и нейтральных отзывов о своей деятельности в поисковых системах, что, в свою очередь, укрепляет доверие потенциальных клиентов.

2. Работа с отзывами на различных онлайн-платформах.

Отзывы могут быть выражены разными способами: через текст или видео. Текстовые отзывы могут быть записаны в письменной или печатной форме. Наибольшую уверенность вызывают отзывы в социальных сетях, поскольку их подлин-

ность можно проверить, изучив профиль автора.

3. Крауд-маркетинг, или скрытый маркетинг (англ. Hidden Marketing), представляет собой метод продвижения, при котором агенты влияния, маскирующиеся под обычных пользователей, инициируют обсуждения, делятся своими отзывами и рекомендациями.

Многие профессиональные образовательные организации недооценивают значимость ORM, что снижает эффективность их коммуникационной деятельности. Многие профессиональные образовательные учреждения сталкиваются с нехваткой опыта в использовании ORM-технологий, что ограничивает их возможности в создании и реализации эффективных маркетинговых коммуникационных стратегий.

Управление репутацией в интернете (ORM) критически важно для профессиональных образовательных организаций. ORM помогает улучшить репутацию бренда, снизить количество негативных отзывов в интернете и увеличить число

положительных упоминаний. Это повышает уровень доверия целевой аудитории к образовательной организации. Положительная репутация помогает привлекать обучающихся и их родителей, высококвалифицированных специалистов, партнёров, а также служит инвестицией в долгосрочное развитие образовательной организации.

Список литературы:

- [1] Авдеев С.А. Формирование и оценка репутации предприятия // *Корреспондент*. 2018. № 3. С. 14–17.
[2] Кузин А.В. Проблемы и перспективы развития репутации предприятия / А.В. Кузин // *Экономист*, 2018. № 1. С. 25–28.

References:

- [1] Avdeev S.A. Formation and assessment of enterprise reputation // *Korrespondent*. 2018. No. 3. P. 14–17.
[2] Kuzin A.V. Problems and prospects of enterprise reputation development / A.V. Kuzin // *Economist*. 2018. No. 1. P. 25–28.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.06.2026 г.

Дата принятия рукописи в печать: 30.07.2026 г.

ЛАРИЧЕВА Кристина Дмитриевна,
*студент 4 курса факультета платных образовательных услуг,
Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России,
Иваново, Российская Федерация,
e-mail: mail@law-books.ru*

ВЕДЯСКИН Юрий Алексеевич,
*старший преподаватель кафедры пожарно-строевой,
физической подготовки и ГДЗС (в составе УНК «Пожаротушение»),
Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России,
Иваново, Российская Федерация,
e-mail: mail@law-books.ru*

ПРОФИЛАКТИКА ЗАБОЛЕВАНИЙ У СОТРУДНИКОВ МЧС С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ОПТИМИЗИРОВАННЫХ ПРОГРАММ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности профессиональной деятельности сотрудников МЧС России, сопряжённой с высокими физическими и психоэмоциональными нагрузками, а также неблагоприятными и экстремальными условиями труда. Обосновывается необходимость перехода от формального медицинского сопровождения к комплексной системе профилактики, включающей индивидуализированные программы физической подготовки, психофизиологическую коррекцию и междисциплинарный подход к оздоровлению.

Ключевые слова: МЧС России, профессиональная деятельность, физические нагрузки, оптимизированная физическая подготовка, индивидуализация тренировок, профилактика заболеваний, адаптивные тренировочные программы.

LARICHEVA Kristina Dmitrievna,
*4th-year student, Faculty of Fee-Based Educational Services,
Ivanovo Fire and Rescue Academy of the State Fire Service of EMERCOM of Russia,
Ivanovo, Russian Federation*

VEDYASKIN Yuri Alekseevich,
*Senior Lecturer, Department of Fire Drill and Physical Training and Respiratory Protection (part of the
Firefighting Training and Research Complex),
Ivanovo Fire and Rescue Academy of the State Fire Service of EMERCOM of Russia,
Ivanovo, Russian Federation*

DISEASE PREVENTION AMONG EMERCOM PERSONNEL USING OPTIMIZED PHYSICAL TRAINING PROGRAMS

Annotation. The article examines the specific nature of the professional activities of EMERCOM of Russia personnel, which involve high physical and psycho-emotional loads, as well as adverse and extreme working conditions. It substantiates the need to shift from perfunctory medical monitoring to a comprehensive prevention system that includes individualized physical training programs, psychophysiological correction, and an interdisciplinary approach to health improvement.

Key words: EMERCOM of Russia, professional activity, physical loads, optimized physical training, training individualization, disease prevention, adaptive training programs.

Актуальность

Профессиональная деятельность сотрудников МЧС России связана с выполнением задач в условиях постоянного риска для жизни, высокой физической и психоэмоциональной нагрузки, а также воздействия неблагоприятных факторов внешней среды. Эти условия труда часто приво-

дят к перегрузке организма, развитию хронических заболеваний и снижению профессиональной устойчивости. Стандартные подходы к медицинскому обеспечению не позволяют эффективно предотвращать подобные последствия, что делает необходимым внедрение системных, индивидуализированных и научно обоснованных методов

профилактики. В этой связи особенно актуальным становится разработка и реализация оптимизированных программ физической подготовки как ключевого элемента в системе охраны здоровья сотрудников.

Методы и организация исследования

Целью настоящего исследования является обоснование необходимости и разработка принципов внедрения оптимизированной, персонализированной физической подготовки сотрудников МЧС России как эффективного средства повышения их профессиональной устойчивости, сохранения здоровья и профилактики профессионального выгорания в условиях экстремальной служебной деятельности.

Задачи исследования:

- 1) проанализировать специфику профессиональной деятельности сотрудников МЧС России, включая физические, психоэмоциональные и климатоэкологические нагрузки, сопровождающие выполнение служебных задач в экстремальных условиях;
- 2) выявить негативные последствия традиционного подхода к обеспечению здоровья сотрудников МЧС, включая недостаточность стандартных медицинских осмотров и отсутствие системной профилактики заболеваний;
- 3) обосновать необходимость внедрения оптимизированных программ физической подготовки как ключевого компонента в системе охраны здоровья личного состава;
- 4) изучить основные принципы построения индивидуализированных тренировочных программ, включая учёт возраста, функционального состояния, хронических заболеваний и профессиональной специализации сотрудников;
- 5) проанализировать роль междисциплинарной команды специалистов (инструкторов, врачей, физиотерапевтов, психофизиологов) в разработке, реализации и контроле за эффективностью тренировочных планов;
- 6) определить влияние оптимизированной физической подготовки на здоровье, работоспособность и устойчивость сотрудников МЧС к экстремальным служебным условиям и профессиональному стрессу.

Исследование проводилось посредством анализа научно-методической литературы, монографий и периодических изданий.

Анализ результатов исследования

Профессиональная деятельность сотрудников МЧС России сопряжена с выполнением сложнейших задач: ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций, тушение пожаров, участие в аварийно-спасательных и поисковых операциях. Эти задачи нередко решаются в экстремальных условиях, которые сопровождаются:

- постоянной угрозой жизни и здоровью;
- непредсказуемыми факторами внешней среды — резкими перепадами температуры, за-

дымлённостью, высокой влажностью и загрязнённой атмосферой;

- выраженным психоэмоциональным напряжением;
- значительными физическими нагрузками, особенно при эвакуации пострадавших, работе в тяжёлом спецснаряжении и в условиях жёсткого дефицита времени.

Такой ритм и характер труда неизбежно приводят к хронической перегрузке организма, нарушению баланса между трудом и отдыхом, что со временем снижает иммунитет, нарушает работу сердечно-сосудистой, опорно-двигательной и нервной систем.

В этой связи профилактика заболеваний у сотрудников МЧС России должна выходить за рамки стандартных медицинских осмотров и формальной диспансеризации. Сама специфика службы — сопряжённая с высокими физическими и психоэмоциональными нагрузками, неблагоприятными климатическими и техногенными условиями, риском для жизни и здоровья — требует более комплексного, системного подхода к оздоровлению. Такой подход должен включать в себя не только раннюю диагностику и контроль за состоянием здоровья, но и проактивные меры, направленные на повышение общей и профессиональной устойчивости организма [1, с. 45].

К числу таких мер относятся:

- оптимизированные программы физической подготовки, позволяющие адаптировать тренировочный процесс под индивидуальные особенности сотрудника (возраст, уровень физической подготовки, функциональное состояние, наличие хронических заболеваний);
- психофизиологическая коррекция, направленная на восстановление адаптационных ресурсов организма, снижение уровня профессионального стресса, профилактику синдрома эмоционального выгорания;
- укрепление мотивационной основы здорового образа жизни, основанной на осознанной заботе о собственном здоровье и понимании его ценности для выполнения служебных задач [3, с. 126].

Мы предлагаем индивидуально разработанные программы физической подготовки, которые учитывают уникальные физиологические и медицинские особенности каждого сотрудника. В отличие от стандартных подходов, ориентированных на общие нормы, наши программы фокусируются на персонализированной нагрузке. Это особенно важно для сотрудников разного возраста, уровня подготовки, а также при наличии хронических заболеваний или временных ограничений.

При разработке программ учитываются:

1. Возраст: Для старших сотрудников снижается интенсивность и меняется тип нагрузки, акцент делается на выносливость, гибкость и здоровье суставов.
2. Функциональное состояние: Регулярный

мониторинг физических показателей (пульс, общая физическая подготовка, дыхание и т.д.) позволяет адаптировать тренировки к текущим возможностям организма.

3. Медицинские показания: Учитываются противопоказания, заключения врачей и рекомендации по лечебной физкультуре для обеспечения безопасности тренировок.

4. Профессиональная деятельность: Тренировки корректируются в зависимости от специфики работы (например, силовая подготовка для спасателей, координация для водолазов).

Индивидуальные тренировочные планы, являющиеся частью этих программ, составляются на основе комплексной оценки физического и психофизиологического состояния сотрудника. Оценка включает медицинские осмотры, функциональные тесты (сила, выносливость, гибкость, координация), анализ профессиональных нагрузок, стресса и хронических заболеваний. Особое внимание уделяется специфике служебных задач, таких как работа в опасных условиях или участие в чрезвычайных ситуациях. В зависимости от характера деятельности, планируется объём, интенсивность и направленность тренировок — от развивающих кардиотренировок до специализированной силовой и функциональной подготовки.

Такие тренировочные планы разрабатываются и корректируются под контролем междисциплинарной команды специалистов, куда входят:

- инструкторы по физической подготовке, обеспечивающие технически грамотное и безопасное выполнение упражнений;
- врачи спортивной и восстановительной медицины, оценивающие состояние сердечно-сосудистой и опорно-двигательной систем, дающие рекомендации по допустимым нагрузкам;
- физиотерапевты и кинезиологи, подбирающие упражнения для компенсации мышечного дисбаланса, коррекции осанки и профилактики болевого синдрома;
- психофизиологи, анализирующие уровень утомляемости, стрессоустойчивость и адаптационные резервы организма [2, с. 60].

Такой научно обоснованный и персонализированный подход обеспечивает не только безопасность тренировочного процесса, но и его эффективность: достигается оптимальное соотношение нагрузки и восстановления, снижается риск травматизма, повышается мотивация сотрудников к регулярной физической активности. Более того, этот подход способствует долгосрочному укреплению здоровья, улучшению общего самочувствия и формированию устойчивого ресурса для выполнения служебных обязанностей в условиях повышенного физического и психоэмоционального напряжения.

Кроме того, такой формат подготовки позволяет решать сразу несколько задач:

- повышать эффективность занятий за счёт соответствия физических упражнений текущим

возможностям организма;

- снижать риск получения травм и развития хронических перегрузок, особенно в зоне позвоночника и суставов;
- предотвращать переутомление, способное привести к профессиональному выгоранию и снижению боеготовности;
- увеличивать уровень внутренней мотивации сотрудников, формируя у них осознанное и положительное отношение к регулярной двигательной активности;
- встраивать физическую активность в режим труда и отдыха как элемент повседневной гигиены, а не как формальное выполнение нормативов [5, с. 32].

Подобная адаптивная модель физической подготовки, построенная на принципах индивидуализации, профилактической направленности и междисциплинарного сопровождения, становится важнейшим элементом в системе охраны здоровья личного состава МЧС России. Она не только укрепляет функциональные резервы организма, но и повышает устойчивость к воздействию экстремальных и стрессовых факторов, которые неизбежны в условиях работы при пожарах, техногенных катастрофах и других чрезвычайных ситуациях [6, с. 210].

Таким образом, оптимизированная физическая подготовка в системе МЧС приобретает не вспомогательный, а стратегический характер, служа основой для сохранения профессионального долголетия, работоспособности и высокой степени готовности к выполнению служебных задач в любых условиях.

Выводы

Профессия сотрудника МЧС сопряжена с высокими физическими и психоэмоциональными нагрузками, что требует особого подхода к сохранению здоровья. Стандартных медицинских мероприятий недостаточно — необходима комплексная система профилактики, включающая оптимизированную физическую подготовку, психофизиологическую коррекцию и индивидуальный подход. Такая система не только снижает риск профессиональных заболеваний и травм, но и укрепляет устойчивость организма, повышает работоспособность и способствует профессиональному долголетию. Оптимизированная физическая подготовка становится стратегическим инструментом в обеспечении готовности сотрудников к работе в экстремальных условиях.

Список литературы:

- [1] Борцова А.Н. Оптимизация силовой подготовки курсантов 1–2 курсов образовательных организаций МЧС России (на примере Академии гражданской защиты МЧС России) / А.Н. Борцова, М.А. Мурадисов, И.А. Лапшин // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. – 2020. – № 1. – С. 45–52.
- [2] Сеницын С.И. Роль и значение физической куль-

туры и спорта в жизни сотрудников силовых структур / С.И. Синицын // Исследования молодых ученых: материалы XLVI Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2022 г.). – Казань: Молодой ученый, 2022. – С. 60–64.

[3] Тарасюк И.В. Физическая подготовка как неотъемлемый элемент деятельности пожарных / И.В. Тарасюк // Молодой ученый. – 2025. – № 9 (560). – С. 126–129.

[4] Турчанин И.О. Особенности физической подготовленности спецслужб / И.О. Турчанин // Вестник науки. – 2023. – № 12 (57). – С. 55–58.

[5] Цубиков Н.А. Физическая подготовка: методические рекомендации / Н.А. Цубиков. – Новотроицк: 24 ПСЧ 5 ПСО ФПС ГПС ГУ МЧС РФ по Оренбургской области, 2020. – 40 с.

[6] Чехранов Ю.В. Профессиональная физическая подготовка как важная компонента профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов России / Ю.В. Чехранов // Управление образованием: теория и практика. – 2024. – Т. 14, № 9-1. – С. 210–215.

References:

[1] Bortsova A.N. Optimization of strength training for first- and second-year cadets at EMERCOM of Russia educational institutions (using the example of the Civil

Defence Academy of EMERCOM of Russia) / A.N. Bortsova, M.A. Muradisoʻv, I.A. Lapshin // Scientific and Educational Problems of Civil Protection. – 2020. – No. 1. – P. 45–52.

[2] Sinitsyn S.I. The role and significance of physical culture and sports in the lives of law enforcement and security personnel / S.I. Sinitsyn // Research by Young Scientists: Proceedings of the XLVI International Scientific Conference (Kazan, October 2022). – Kazan: Molodoy Ucheny, 2022. – P. 60–64.

[3] Tarasyuk I.V. Physical training as an integral element of firefighters' work / I.V. Tarasyuk // Molodoy Ucheny. – 2025. – No. 9 (560). – P. 126–129.

[4] Turchanin I.O. Specifics of physical fitness in special services / I.O. Turchanin // Vestnik Nauki. – 2023. – No. 12 (57). – P. 55–58.

[5] Tsubikov N.A. Physical training: methodological recommendations / N.A. Tsubikov. – Novotroitsk: 24th Fire and Rescue Unit, 5th Fire and Rescue Squad, FPS GPS, Main Directorate of EMERCOM of Russia for the Orenburg Region, 2020. – 40 p.

[6] Chekhranov Yu.V. Professional Physical Training as an Important Component of the Professional Training of Russian Law Enforcement Officers / Yu.V. Chekhranov // Education Management: Theory and Practice. – 2024. – Vol. 14, No. 9-1. – P. 210–215.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.05.2026 г.

Дата принятия рукописи в печать: 30.07.2026 г.

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна,
доктор юридических наук, профессор,
декан факультета профессиональной переподготовки
Московского института профессионального образования им. К.Д. Ушинского,
профессор кафедры конституционного и международного права
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»,
Почетный адвокат России, эксперт РАН,
ORCID 0000-0001-7731-724X,
e-mail: ludmilagr@mail.ru

ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ МЕХАНИЗМОВ ОХРАНЫ И ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. Права человека в конституционном государстве существуют не только как система закрепленных в правовых источниках притязаний личности, но и как особый объект публично-правовой организации общества. Российская Конституция исходит из того, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина составляют обязанность государства. Из этого следует принципиальный методологический вывод: права человека не исчерпываются каталогом субъективных прав; они требуют устойчивой системы норм, институтов, процедур и средств, способных предупреждать нарушение, устранять правовые риски, пресекать противоправное воздействие и восстанавливать нарушенное положение личности.

Ключевые слова: права человека, конституционное государство, конституционные права и свободы, защита прав человека, обязанности государства, публично-правовая организация, правовые нормы, правовые институты, правовые процедуры, правовые риски, восстановление нарушенных прав, гарантии прав и свобод.

GRUDTSINA Ludmila Yurievna,
Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Professional Retraining
of the Moscow Institute of Vocational Education named after K.D. Ushinsky,
Professor of the Department of Constitutional and International Law
of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia)»,
Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences

THE CONCEPT AND CLASSIFICATION OF MECHANISMS FOR THE SAFEGUARDING AND PROTECTION OF HUMAN RIGHTS

Annotation. In a constitutional state, human rights exist not merely as a system of individual claims enshrined in legal sources, but also as a distinct object of the public-law organization of society. The Russian Constitution proceeds from the premise that the individual and their rights and freedoms constitute the supreme value, and that the recognition, observance, and protection of the rights and freedoms of man and citizen are an obligation of the state. This leads to a fundamental methodological conclusion: human rights are not limited to a catalogue of subjective rights; they require a robust system of norms, institutions, procedures, and mechanisms capable of preventing violations, mitigating legal risks, halting unlawful actions, and restoring the individual's position following a violation.

Key words: human rights, constitutional state, constitutional rights and freedoms, protection of human rights, state obligations, public-law organization, legal norms, legal institutions, legal procedures, legal risks, restoration of violated rights, guarantees of rights and freedoms.

В учебной и научной литературе наряду с понятием правового статуса личности используется категория механизма охраны и защиты прав человека. Она позволяет

перейти от декларативного описания прав к анализу того, как право «работает»: кто обязан действовать, в какой форме, в каком порядке, с какими гарантиями независимости, с какими сроками,

доказательственными стандартами и последствиями неисполнения. [1] Для академического учебника важно подчеркнуть: механизм охраны и защиты прав человека — это не один орган, не одна процедура и не сумма разрозненных гарантий. Это функционально связанная система юридических, институциональных, процессуальных, организационных и социальных средств, направленных на обеспечение реальности прав человека.

В самом общем виде механизм охраны и защиты прав человека может быть определен как нормативно организованная и институционально обеспеченная система средств, при помощи которых права человека признаются, гарантируются, реализуются, предохраняются от нарушения, а при нарушении — восстанавливаются, компенсируются и обеспечиваются мерами ответственности. В данном определении намеренно соединены два пласта: охранительный и защитный. Первый связан преимущественно с превентивным, регулятивным и гарантийным воздействием права; второй — с восстановительным, юрисдикционным и принудительным воздействием, возникающим в связи с нарушением или оспариванием права. [2]

Категория «механизм» в правоведении используется тогда, когда необходимо показать не только юридическую норму, но и движение правовой материи: от признания ценности до ее процедурного обеспечения. Применительно к правам человека механизм включает: во-первых, нормативное признание прав и свобод; во-вторых, позитивные обязанности государства и иных публичных субъектов; в-третьих, институциональную инфраструктуру реализации прав; в-четвертых, процессуальные формы обращения за защитой; в-пятых, средства контроля, надзора и ответственности; в-шестых, компенсационные и восстановительные инструменты. Такое понимание согласуется с международно-правовым стандартом эффективного средства правовой защиты. Всеобщая декларация прав человека закрепляет право каждого на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случае нарушения основных прав, предоставленных конституцией или законом. [3] Международный пакт о гражданских и политических правах требует от государств обеспечить любому лицу, чьи права и свободы нарушены, эффективное средство правовой защиты, даже если нарушение совершено лицами, действовавшими в официальном качестве. [4] В толковании Комитета ООН по правам человека эта обязанность предполагает наличие не только судебных, но и административных механизмов рассмотрения жалоб, а также возможность реального исполнения принятого решения. [5]

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод традиционно формулиро-

вала сходный стандарт в статье 13, связывая право на эффективное средство правовой защиты с нарушением конвенционных прав.¹

Для российского правового порядка современное значение этого стандарта является сложным: после прекращения действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы он не может рассматриваться как действующий межгосударственный механизм обращения в Европейский Суд по правам человека по новым делам. Однако выработанные европейским правом критерии эффективности — доступность, независимость органа, разумный срок, исполнимость и адекватность средства защиты — сохраняют доктринальное и сравнительно-правовое значение, поскольку выражают общий конституционный смысл права на действенную защиту.

В российской конституционной модели механизм охраны и защиты прав человека имеет сложную природу. С одной стороны, он укоренен в верховенстве Конституции, непосредственном действии прав и свобод, обязанности государства признавать, соблюдать и защищать права человека. С другой стороны, он раскрывается через отраслевые процедуры: гражданское, административное, уголовное, арбитражное судопроизводство, конституционное судопроизводство, административное обжалование, прокурорский надзор, институты уполномоченных, общественный контроль, медиативные и иные альтернативные процедуры. Следовательно, это комплексный, межотраслевой механизм, не сводимый к одной отрасли права. [8]

Механизм охраны и защиты прав человека следует отличать от смежных категорий. Он шире, чем «гарантии прав», поскольку включает не только условия и средства обеспечения, но и порядок их запуска, субъектный состав, процедуры доказывания, последствия решения и контроль исполнения. Он шире, чем «средства защиты», поскольку охватывает и превентивные инструменты, действующие до нарушения права. Наконец, он шире, чем «правоохранительная деятельность», поскольку включает не только деятельность органов публичной власти, но и формы самозащиты, общественного контроля, правозащитной адвокации, юридической помощи, цифрового доступа к информации и образования в области прав человека.

В российской юридической традиции понятия «охрана» и «защита» нередко употребляются как близкие или даже взаимозаменяемые. Такое употребление допустимо в широком, обыденном смысле, но методологически недостаточно для учебника. Разграничение этих категорий позволяет точнее описать стадии действия права, задачи публичной власти и набор юридических

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод [6]: заключена в Риме 4 ноября 1950 г. Ст. 13. Для Российской Федерации действие Конвенции прекращено в связи с Федеральным законом от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» [7].

средств, применяемых к правам человека.

Охрана прав человека - это система нормативных, организационных, институциональных, информационных и иных мер, направленных на признание, гарантирование, предупреждение нарушений и создание условий для нормальной реализации прав. Охрана действует преимущественно до конфликта, хотя не прекращается и после возникновения спора. Она включает закрепление прав в Конституции и законах, установление запретов и пределов вмешательства, правовое просвещение, доступ к информации, административные регламенты, процедуры оценки регулирующего воздействия, антикоррупционные механизмы, парламентский и общественный контроль, надзорные полномочия, правовую экспертизу нормативных актов, организацию доступной судебной системы и юридической помощи.

Защита прав человека - это деятельность компетентных субъектов, а в предусмотренных законом пределах и самого управомоченного лица, направленная на пресечение нарушения, признание права, восстановление нарушенного положения, компенсацию вреда, отмену незаконного акта, привлечение виновных к ответственности или иное устранение последствий нарушения. Защита предполагает конфликтную или спорную ситуацию: право нарушено, оспорено, не признано, созданы препятствия к его реализации либо существует реальная угроза нарушения. Иными словами, охрана отвечает на вопрос: как не допустить нарушения права и создать условия его реального осуществления? Защита отвечает на вопрос: что делать, если нарушение уже произошло, продолжается или стало неизбежным? Поэтому охрана имеет преимущественно превентивный и регулятивный характер, а защита — восстановительный, пресекательный и компенсационный. Это разграничение, однако, не является абсолютным. Например, судебный запрет определенных действий одновременно пресекает нарушение и предупреждает его повторение; решение Конституционного Суда, устраняющее неконституционную норму, защищает права заявителя и охраняет права неопределенного круга лиц; прокурорское представление может быть одновременно реакцией на нарушение и профилактикой новых нарушений.

Структурно механизм охраны и защиты прав человека может быть раскрыт через несколько взаимосвязанных элементов.

Первый элемент - ценностно-нормативный. Он включает конституционное признание достоинства личности, свободы, равенства, справедливости, запрета произвола, пропорциональности ограничения прав. Без этого уровня конкретные процедуры защиты превращаются в формальную технику. Нормативное закрепление права должно содержать не только само право, но и пределы вмешательства, обязанности государства, гарантии доступа к процедуре и последствия наруше-

ния.

Второй элемент - институциональный. К нему относятся суды, Конституционный Суд Российской Федерации, органы прокуратуры, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, уполномоченные в субъектах Российской Федерации, органы исполнительной власти, органы местного самоуправления, адвокатура, нотариат, органы общественного контроля, правозащитные организации, образовательные и экспертные институты. Конституционное судопроизводство занимает особое место, поскольку направлено не только на разрешение индивидуальной жалобы, но и на устранение неконституционных нормативных оснований нарушения прав. Институт Уполномоченного по правам человека, напротив, соединяет контрольную, посредническую, экспертную и публично-коммуникативную функции. Региональные уполномоченные дополняют федеральный уровень, создавая более близкий к гражданину канал реагирования на нарушения.

Третий элемент - процедурный. Он включает порядок обращения, сроки, подведомственность и подсудность, правила доказывания, процессуальный статус заявителя, стандарты мотивировки решения, порядок обжалования и исполнения. Именно процедурный элемент превращает право на защиту из общей декларации в реально осуществимую юридическую возможность. Например, административное судопроизводство прямо ориентировано на рассмотрение дел о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан и организаций в публично-правовой сфере. Гражданское судопроизводство закрепляет право заинтересованного лица обратиться в суд за защитой нарушенных либо оспариваемых прав, свобод или законных интересов. Уголовное судопроизводство имеет двойную правозащитную направленность: защиту потерпевших от преступлений и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Четвертый элемент - инструментальный. Он охватывает конкретные средства: иск, административное исковое заявление, жалобу, заявление, ходатайство, апелляцию, кассацию, надзор, конституционную жалобу, обращение к уполномоченному, обращение в прокуратуру, претензию, медиацию, публичное слушание, общественную проверку, запрос информации, электронное обращение, механизм компенсации вреда, восстановление срока, обеспечительные меры, меры предварительной защиты, судебный приказ, признание нормативного акта недействующим, признание решения или действия незаконным.

Пятый элемент - контрольный и исполнительный. Принятое решение не завершает защиту права, если оно не исполнено. В правозащитном смысле судебная защита включает не только доступ к суду и рассмотрение дела, но и исполне-

ние судебного акта в разумный срок. Наличие специального закона о компенсации за нарушение права на судопроизводство или исполнение судебного акта в разумный срок демонстрирует, что эффективность защиты измеряется не формальным наличием процедуры, а ее конечным результатом.

Шестой элемент - информационно-коммуникативный. Современный механизм охраны и защиты прав невозможен без доступа к правовой информации, открытости деятельности органов власти и судов, понятности процедур, цифровых сервисов подачи обращений, возможности отслеживать движение дела и получать мотивированный ответ. Законодательство о порядке рассмотрения обращений граждан, доступе к информации о деятельности государственных органов и открытости судов выполняет в этой системе не вспомогательную, а самостоятельную охранительную функцию.

Классификация механизмов охраны и защиты прав человека имеет не только учебное, но и практическое значение. Она позволяет определить, какое средство должно быть выбрано в конкретной ситуации, как соотносятся государственные и негосударственные каналы реагирования, какие процедуры являются обязательными, а какие факультативными, где проходит граница между профилактикой и восстановлением.

По уровню правового регулирования можно выделить международные, конституционные, федеральные, региональные, муниципальные и локальные механизмы. Международные механизмы задают общие стандарты: эффективное средство правовой защиты, недискриминация, право на справедливое разбирательство, запрет произвольного вмешательства. Конституционные механизмы закрепляют высшую юридическую ценность прав человека и определяют рамку для всех отраслевых процедур. Федеральные механизмы конкретизируются в кодексах, федеральных конституционных и федеральных законах. Региональные и муниципальные механизмы связаны с учетом территориальных особенностей реализации прав, прежде всего социальных, экологических, жилищных, образовательных, информационных и процедурно-административных.

По субъекту, осуществляющему охрану или защиту, различаются государственные, муниципальные, общественные, корпоративные, профессиональные и индивидуальные механизмы. Государственные механизмы включают суды, органы прокуратуры, органы исполнительной власти, следственные и контрольные органы, конституционную юстицию. Муниципальные механизмы проявляются в рассмотрении обращений граждан, публичных слушаниях, территориальном общественном самоуправлении, обеспечении доступа к муниципальным услугам. Общественные механизмы включают общественный контроль, правозащитную деятельность, независимую экс-

пертизу, публичную адвокацию и мониторинг. Корпоративные механизмы особенно важны в сфере труда, образования, медицинской помощи, цифровых платформ и оказания услуг. Индивидуальные механизмы охватывают самозащиту права, обращение за юридической помощью, выбор способа защиты, отказ от неправомерного требования, фиксацию доказательств нарушения.

По функциональному назначению выделяются превентивные, регулятивные, контрольные, пресекательные, восстановительные, компенсационные и санкционные механизмы. Превентивные механизмы направлены на предупреждение нарушения: экспертиза проектов нормативных актов, антикоррупционная экспертиза, оценка последствий регулирования, правовое просвещение, стандарты публичных услуг. Регулятивные механизмы задают порядок нормальной реализации прав. Контрольные механизмы выявляют отклонения от правового стандарта. Пресекательные механизмы останавливают продолжающееся нарушение. Восстановительные возвращают лицо в положение, существовавшее до нарушения. Компенсационные возмещают имущественный или неимущественный вред. Санкционные обеспечивают ответственность нарушителя и имеют как карательный, так и превентивный эффект.

По юридической форме можно говорить о судебных, административных, конституционно-судебных, прокурорско-надзорных, дисциплинарных, международных, альтернативных и смешанных механизмах. Судебные механизмы обладают наибольшей степенью формализации и принудительности. Административные механизмы быстрее и ближе к управленческой сфере, но требуют гарантий беспристрастности. Конституционно-судебный механизм ориентирован на проверку нормативного основания нарушения. Прокурорский надзор соединяет публичный интерес и защиту прав неопределенного круга лиц. Омбудсменский механизм действует преимущественно средствами убеждения, публичности, посредничества и экспертного воздействия. Альтернативные механизмы — медиация, переговоры, примирительные процедуры — эффективны там, где важны сохранение социального взаимодействия и снижение конфликтности.

По характеру защищаемого права механизмы могут быть классифицированы применительно к личным, политическим, социально-экономическим, культурным, экологическим, информационным и цифровым правам. Личные права требуют сильных гарантий от произвольного вмешательства, эффективного судебного контроля и быстрых пресекательных средств. Политические права нуждаются в публичной процедуре, равном доступе и контроле за злоупотреблением административным ресурсом. Социальные права требуют бюджетно-организационных механизмов, стандартов доступности и адресного восстановления. Экологические права требуют сочета-

ния индивидуальной и коллективной защиты, публичности информации и превентивных экспертиз. Информационные и цифровые права требуют особых процедур контроля обработки данных, защиты от автоматизированного произвола, обеспечения кибербезопасности и доступа к цифровой инфраструктуре.

По степени индивидуализации интереса различаются механизмы защиты индивидуальных прав, коллективных прав, прав неопределенного круга лиц и публичного интереса. В классической либеральной модели доминировала индивидуальная жалоба. Современное правовое государство вынуждено учитывать массовые нарушения, платформенные риски, экологический ущерб, дискриминационные практики, нарушения в сфере персональных данных и доступности публичных услуг. Поэтому возрастает значение групповых исков, обращений в интересах неопределенного круга лиц, общественного контроля и стратегической судебной защиты.

По обязательности результата можно выделить императивные и мягкие механизмы. Императивные завершаются юридически обязательным актом: судебным решением, постановлением, предписанием, требованием, актом прокурорского реагирования. Мягкие механизмы действуют через рекомендации, публичные доклады, заключения, переговоры, стандарты добросовестного поведения, общественное давление. Их нельзя недооценивать: в сфере прав человека изменение административной практики иногда достигается не только через принуждение, но и через репутационные, экспертные и коммуникативные инструменты. [9]

В системе защиты прав человека судебная защита занимает центральное место. Ее особенность состоит в сочетании независимого статуса суда, процессуальной формы, состязательности, публичности, мотивированности решения и принудительной исполнимости судебного акта. Конституционное право на судебную защиту означает не только формальную возможность подать заявление, но и возможность получить реальную защиту, способную восстановить нарушенное право. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал, что право на судебную защиту является гарантией всех иных прав и свобод, а его смысл не исчерпывается доступом к суду. [10; 11]

Судебная защита выполняет несколько функций. Во-первых, она индивидуально-восстановительная: суд разрешает конкретный спор и восстанавливает нарушенное право заявителя. Во-вторых, правокорректирующая: судебная практика выявляет пробелы, неопределенность и дефекты регулирования. В-третьих, дисциплинирующая: риск судебного контроля побуждает публичную власть и частных субъектов соблюдать права. В-четвертых, правотворчески ориентирующая: правовые позиции высших судов форми-

руют стандарты толкования и применения норм. В-пятых, легитимационная: справедливая судебная процедура снижает социальное напряжение и переводит конфликт из плоскости произвола в плоскость права.

Конституционное правосудие отличается тем, что защищает право через проверку нормативного основания нарушения. Заявитель обращается не просто за пересмотром индивидуального спора, а за устранением нормы или ее неконституционного смысла, нарушающего права. В этом проявляется двойная природа конституционной жалобы: индивидуальная защита соединяется с охраной конституционного правопорядка. Поэтому решения Конституционного Суда имеют значение не только для конкретного заявителя, но и для последующей законодательной и правоприменительной практики. [12]

Вместе с тем судебная защита не должна абсолютизироваться. Во-первых, суд вступает в действие преимущественно после возникновения спора. Во-вторых, судебная процедура требует времени, ресурсов, юридической компетенции, доказательственной подготовки. В-третьих, чрезмерная судебная нагрузка снижает скорость и качество правосудия. В-четвертых, не все нарушения эффективно устраняются только судебным решением: некоторые требуют административной реформы, изменения бюджетных приоритетов, цифровой инфраструктуры, профессионального обучения должностных лиц. Поэтому судебная защита является ядром, но не единственным элементом механизма защиты прав человека.

Особое значение имеет доступность судебной защиты. Она включает территориальную, финансовую, информационную, процессуальную и цифровую доступность. Территориальная доступность означает разумную близость суда или возможность дистанционного участия. Финансовая доступность предполагает соразмерность судебных расходов и наличие правовой помощи. Информационная доступность требует понятных правил обращения и открытости судебной информации. Процессуальная доступность связана с ясностью подсудности, сроков, формы заявления и доказательственных требований. Цифровая доступность требует электронных сервисов, но не должна превращаться в барьер для лиц, не имеющих достаточных цифровых навыков или технических средств.

Конституционный Суд связывает эффективную судебную защиту с правосудием, отвечающим требованиям справедливости, независимости, беспристрастности, равенства и состязательности сторон. [13; 14] В учебном плане это означает, что защита прав человека не может быть оценена только по количеству процессуальных инстанций. Важны качество процедуры, мотивированность решения, возможность быть услышанным, равенство процессуальных возможностей, добросовестность суда и исполнимость

результата.

Несудебные механизмы охраны и защиты прав человека имеют самостоятельное значение. Административное обжалование позволяет устранить нарушение быстрее, чем судебная процедура, особенно когда спор связан с ошибкой органа власти, отказом в услуге, бездействием должностного лица, неправильным применением административного регламента. Однако административная процедура эффективна лишь при наличии независимого или хотя бы иерархически отделенного органа рассмотрения жалобы, обязанности мотивировать ответ, сроков рассмотрения и возможности последующего судебного контроля.

Прокурорский надзор имеет публично-правовой характер. Его значение особенно велико там, где затрагиваются права социально уязвимых лиц, несовершеннолетних, инвалидов, лиц, находящихся в местах принудительного содержания, неопределенного круга лиц. Прокурорское реагирование может сочетать защиту конкретного права с восстановлением законности как общего состояния правового порядка. В этом смысле прокуратура находится на границе охраны и защиты: она выявляет нарушение, требует его устранения, предупреждает повторение и при необходимости обращается в суд.

Уполномоченный по правам человека не заменяет суд и не отменяет судебные акты, но способен инициировать проверки, обращаться в государственные органы, участвовать в совершенствовании законодательства, готовить специальные доклады, обращать внимание на системные нарушения, содействовать восстановлению прав в ситуациях, где формальная судебная процедура не всегда достаточна. Его эффективность зависит от авторитета института, публичности, доступа к информации, способности формулировать системные рекомендации и взаимодействовать с гражданским обществом.

Общественные механизмы охраны прав человека являются необходимым условием зрелого конституционного строя. Права человека не могут охраняться исключительно вертикалью государственной власти, поскольку сама публичная власть часто является потенциальным источником нарушения. Общественный контроль, независимая экспертиза, правозащитные доклады, юридические клиники, адвокатские и научные инициативы выполняют функцию раннего обнаружения рисков, публичного обсуждения дефектов регулирования и поддержки уязвимых групп. В современных условиях общественные механизмы особенно важны в сфере цифровых прав, экологии, социальной помощи, образования и здравоохранения.

Международные механизмы исторически развивались как дополнительный уровень защиты, включающий универсальные договорные органы ООН, специальные процедуры, региональные суды и комиссии. Их значение состоит не только

в рассмотрении индивидуальных сообщений, но и в формировании стандартов должного поведения государства. Для России на современном этапе ключевое значение сохраняют универсальные международные договоры, участницей которых она является, прежде всего Международный пакт о гражданских и политических правах. Региональный европейский механизм утратил прямую процессуальную применимость к новым обращениям против России, но его опыт сохраняет сравнительно-правовую ценность.

Особый вопрос - соотношение национальной и международной защиты. С точки зрения принципа субсидиарности международный механизм не должен подменять национальный: первичная обязанность охраны и защиты прав лежит на государстве. Международный уровень включается тогда, когда национальные средства недостаточны, неэффективны или исчерпаны. Однако сама возможность международной оценки стимулирует национальные правовые порядки поддерживать минимальные стандарты эффективности защиты.

Наличие большого числа органов и процедур не гарантирует реальности прав человека. Поэтому механизм охраны и защиты должен оцениваться по критериям эффективности.

Первый критерий - нормативная определенность. Лицо должно понимать, какое право ему принадлежит, кто обязан его соблюдать, каков порядок обращения, какие сроки действуют и какие последствия наступают при нарушении. Неопределенное регулирование само по себе создает риск произвола и снижает охранительный потенциал права.

Второй критерий - доступность. Механизм защиты неэффективен, если обращение в него фактически невозможно из-за чрезмерных расходов, территориальной удаленности, цифрового неравенства, сложных формальных требований, отсутствия юридической помощи или страха неблагоприятных последствий. Доступность не означает упрощение до правовой примитивности; она означает разумное соотношение формальных требований и реальной способности человека воспользоваться процедурой.

Третий критерий - независимость и беспристрастность. Особенно это важно в спорах личности с публичной властью. Орган, рассматривающий жалобу, должен быть организационно и процессуально способен оценить действия власти без ведомственной заинтересованности. Судебная независимость, состязательность, равенство сторон, мотивированность решения и запрет давления на заявителя составляют ядро данного критерия.

Четвертый критерий - своевременность. Запоздалая защита часто утрачивает смысл. В делах о свободе, здоровье, семейных отношениях, социальных выплатах, доступе к образованию, защите персональных данных, избирательных правах и

публичных мероприятиях фактор времени является элементом самого права. Поэтому механизм должен включать ускоренные процедуры, обеспечительные меры и предварительную защиту, когда промедление ведет к необратимым последствиям.

Пятый критерий - адекватность средства защиты. Не всякое формальное решение является эффективным. Если нарушение связано с незаконным отказом, адекватным средством может быть обязанность совершить действие; если с вредом - компенсация; если с нормативным дефектом - признание нормы неконституционной или недействующей; если с риском повторения - запрет, предписание или изменение практики. Международные стандарты права на средство защиты также связывают эффективность с возмещением, реституцией, реабилитацией, сатисфакцией и гарантиями неповторения. [15]

Шестой критерий - исполнение. Решение, которое не исполняется, производит лишь символический эффект и подрывает доверие к праву. Исполнение должно рассматриваться как стадия защиты, а не как внешнее по отношению к ней исполнительное действие. По этой причине право на исполнение судебного акта в разумный срок является самостоятельным показателем качества правового государства.

Седьмой критерий - системность. Эффективный механизм защиты не должен ограничиваться индивидуальным восстановлением там, где нарушение имеет массовый или повторяющийся характер. Если множество граждан сталкивается с одинаковым незаконным отказом, проблема не решается только удовлетворением одного иска. Необходимы изменение административной практики, корректировка нормативного акта, обучение должностных лиц, цифровая настройка сервиса, публичный контроль исполнения. Таким образом, современная защита прав человека должна иметь не только индивидуальный, но и структурный эффект.

Современное развитие механизмов охраны и защиты прав человека связано с несколькими тенденциями.

Первая - цифровизация обращения за защитой. Электронные суды, порталы государственных услуг, цифровые приемные, дистанционное участие в процессе, электронный документооборот и открытые реестры повышают скорость и прозрачность взаимодействия гражданина с государством. Однако цифровизация создает и новые риски: исключение лиц без доступа к технологиям, автоматизированные отказы, алгоритмическая непрозрачность, утечки персональных данных, зависимость правовой защиты от технической устойчивости платформ.

Вторая тенденция - переход от реактивной к риск-ориентированной охране прав. Государство и общество должны выявлять не только уже совершенные нарушения, но и правовые режимы,

в которых нарушение вероятно. Например, массовая обработка персональных данных, внедрение искусственного интеллекта, биометрическая идентификация, цифровые профили, социальные рейтинговые практики, автоматизация административных решений требуют предварительных оценок воздействия на права человека. Это расширяет содержание охраны: она становится не просто запретом нарушения, а управлением правовыми рисками.

Третья тенденция - усиление горизонтального измерения прав человека. Традиционно права человека понимались как защита личности от государства. Сегодня значительная часть рисков исходит от частных корпораций, платформ, работодателей, образовательных и медицинских организаций, банков, операторов данных. Поэтому механизмы охраны и защиты должны действовать не только вертикально, но и горизонтально: через обязанности бизнеса уважать права человека, внутренние процедуры рассмотрения жалоб, независимый аудит, корпоративные стандарты, ответственность за дискриминационные и небезопасные практики. [16]

Четвертая тенденция - структурная защита. Индивидуальная жалоба сохраняет фундаментальное значение, но не всегда способна изменить системную практику. Структурная защита предполагает выявление повторяющихся нарушений, устранение их причин, изменение нормативных и организационных условий. Она особенно важна в сфере условий содержания под стражей, доступности медицинской помощи, социальной поддержки, образования, экологии, миграционных процедур и цифрового управления.

Пятая тенденция - усложнение баланса прав. В современном обществе права редко существуют изолированно. Свобода выражения сталкивается с защитой чести, достоинства, частной жизни и общественной безопасности; свобода предпринимательства - с трудовыми и экологическими правами; цифровая безопасность - с правом на частную жизнь; публичное здоровье - со свободой передвижения и автономией личности. Поэтому механизм защиты должен включать методологию пропорциональности, то есть проверку законной цели, пригодности, необходимости и соразмерности ограничения.

Охрана и защита прав человека образуют ядро юридических гарантий, но не совпадают с ними полностью. Гарантии - более широкая категория, включающая экономические, политические, социальные, идеологические, организационные и юридические условия реальности прав. Охрана и защита являются, прежде всего, юридически организованными способами поддержания и восстановления правового состояния личности. Они опираются на гарантии, но одновременно сами выступают гарантиями.

В теоретическом плане соотношение можно представить в виде трех концентрических уров-

ней. Первый уровень - общесоциальные условия прав человека: экономика, культура, образование, правосознание, институциональная устойчивость, независимые медиа, гражданское общество. Второй уровень - правовая охрана: нормативное признание, запреты, обязанности, процедуры, контроль, профилактика, правовое просвещение. Третий уровень - правовая защита: юрисдикционное или иное процедурное реагирование на нарушение. Чем слабее первый и второй уровни, тем больше нагрузка на третий; чем лучше работает охрана, тем меньше потребность в массовой защите.

Практическая ошибка правовой политики состоит в том, что защита нередко подменяет охрану: государство создает новые жалобные процедуры, но не устраняет причины нарушений. В результате гражданин вынужден постоянно защищаться от дефектов управления, неясных правил, бюрократических сбоев и цифровых ошибок. Более зрелая модель предполагает перенос акцента на превенцию: понятное регулирование, человечески ориентированные административные процедуры, оценку рисков для прав, публичность данных, персональную ответственность должностных лиц, независимый контроль и доступную юридическую помощь.

Другая ошибка - противоположная: декларация охраны без реальной защиты. Права могут быть широко закреплены, государственные программы могут провозглашать уважение к личности, но при отсутствии независимого суда, исполнимого решения, компенсации вреда и ответственности нарушителя такие гарантии остаются символическими. Следовательно, защита является критерием подлинности охраны. Там, где человек не может добиться восстановления нарушенного права, правовая охрана фактически не состоялась.

С учетом изложенного механизм охраны и защиты прав человека можно определить как многоуровневую систему правовых норм, публичных и непубличных институтов, процедур, средств контроля, восстановления, компенсации и ответственности, посредством которых обеспечиваются признание, реализация, предупреждение нарушений, пресечение противоправных посягательств и восстановление нарушенных прав человека.

Охрана прав человека - это общий режим правового, институционального и организационного обеспечения прав, направленный на создание условий их реализации и предупреждение нарушений. Защита прав человека — это специальный, процедурно оформленный блок данного режима, включающий действия по пресечению, признанию, восстановлению, компенсации и привлечению к ответственности в связи с нарушением или оспариванием права. Защита входит в охрану, но обладает собственной логикой: она запускается конфликтом, требует компетентного субъекта,

процессуальной формы и юридически значимого результата.

Классификация механизмов охраны и защиты прав человека должна быть многоосновной. Наиболее значимыми являются классификации по уровню регулирования, субъекту, функции, юридической форме, объекту защиты, масштабу интереса и обязательности результата. Такая классификация не является формальным перечнем: она позволяет в каждом конкретном случае выбрать правильный канал защиты и понять, какие элементы механизма отсутствуют или действуют неэффективно.

Центральным элементом защиты остается суд, поскольку именно судебная процедура обеспечивает независимую оценку спора, правовую определенность и принудительную исполнимость решения. Но современный механизм прав человека не может быть судебно-центричным в узком смысле. Он должен сочетать суд, административное исправление ошибок, общественный контроль, цифровую прозрачность, правовое просвещение, корпоративную ответственность и международные стандарты. Будущее механизмов охраны и защиты прав человека связано с переходом от модели «реагирования на жалобу» к модели «управления рисками для прав». Это означает, что правовая система должна научиться видеть нарушение до того, как оно стало массовым; оценивать воздействие технологий и административных практик на человека; проектировать процедуры с учетом уязвимости гражданина; обеспечивать не только формальное средство защиты, но и реальное восстановление достоинства, свободы и равенства личности.

Список литературы:

- [1] Лукашева Е.А. *Права человека*. М.: Норма, 2001. С. 91–117; *Общая теория прав человека* / отв. ред. Е.А. Лукашева. М.: Норма, 1996. С. 38–52.
- [2] Нерсесянц В.С. *Философия права*. М.: Норма, 2005. С. 132–146; Алексеев С.С. *Общая теория права: в 2 т.* Т. 1. М.: Юридическая литература, 1981. С. 289–305.
- [3] *Всеобщая декларация прав человека: принята Резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН 10 декабря 1948 г.* Ст. 8.
- [4] *Международный пакт о гражданских и политических правах: принят Резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН 16 декабря 1966 г.* Ст. 2, п. 3.
- [5] Human Rights Committee. General Comment No. 31: *The Nature of the General Legal Obligation Imposed on States Parties to the Covenant*. CCPR/C/21/Rev.1/Add.13. 26 May 2004. Para. 15.
- [6] *Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в Риме 4 ноября 1950 г.* Ст. 13. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/cde09a2cd0c411568920b76ce394a82d4aee5045/ (дата обращения: 05.07.2026).
- [7] *Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 43-*

ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_440539/ (дата обращения: 05.07.2026).

[8] Авакьян С.А. Конституционное право России: учебный курс: в 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2020. С. 347–365.

[9] Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. М.: Формула права, 2010. С. 56–74.

[10] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 мая 1999 г. № 9-П. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19600/ (дата обращения: 05.07.2026).

[11] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 июня 2015 г. № 14-П. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_180853/ (дата обращения: 05.07.2026).

[12] Бондарь Н.С. Конституционная модернизация российской государственности: в свете практики конституционного правосудия. М.: Норма, 2014. С. 212–236.

[13] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2001 г. № 1-П. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_30212/ (дата обращения: 05.07.2026).

[14] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2012 г. № 29-П. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138800/ (дата обращения: 05.07.2026).

[15] Basic Principles and Guidelines on the Right to a Remedy and Reparation for Victims of Gross Violations of International Human Rights Law: UN General Assembly Resolution 60/147 of 16 December 2005. // United Nations. URL: https://legal.un.org/avl/pdf/ha/ga_60-147/ga_60-147_ph_e.pdf (дата обращения: 05.07.2026).

[16] Организация Объединенных Наций. Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека: осуществление рамок ООН «защитить, соблюдать и восстанавливать». // Организация Объединенных Наций. Нью-Йорк; Женева, 2011.

References:

[1] Lukasheva E.A. *Human Rights*. Moscow: Norma, 2001, pp. 91–117; *General Theory of Human Rights*/Ed. by E.A. Lukasheva. Moscow: Norma, 1996, pp. 38–52.

[2] Nersesyants V.S. *Philosophy of Law*. Moscow: Norma, 2005, pp. 132–146; Alekseev S.S. *General Theory of Law*: in 2 vols. Vol. 1. Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1981, pp. 289–305.

[3] Universal Declaration of Human Rights: adopted by UN General Assembly Resolution 217 A (III) on December

10, 1948. Art. 8.

[4] International Covenant on Civil and Political Rights: adopted by UN General Assembly Resolution 2200 A (XXI) on December 16, 1966. Art. 2, para. 3.

[5] Human Rights Committee. General Comment No. 31: The Nature of the General Legal Obligation Imposed on States Parties to the Covenant. CCPR/C/21/Rev.1/Add.13. 26 May 2004. Para. 15.

[6] Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms: concluded in Rome on November 4, 1950. Art. 13. // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/cde09a2cd0c411568920b76ce394a82dfaae5045/ (accessed: 05.07.2026).

[7] Federal Law No. 43-FZ of February 28, 2023, «On the Termination of the Application of Council of Europe International Treaties with Respect to the Russian Federation.» // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_440539/ (accessed: 05.07.2026).

[8] Avakyan S.A. Constitutional Law of Russia: A Course of Study: in 2 vols. Vol. 1. Moscow: Norma, 2020. Pp. 347–365.

[9] Tikhomirov Yu.A. Legal Regulation: Theory and Practice. Moscow: Formula Prava, 2010. Pp. 56–74.

[10] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 9-P of May 28, 1999. // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19600/ (accessed: 05.07.2026).

[11] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 14-P of June 8, 2015. // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_180853/ (accessed: 05.07.2026).

[12] Bondar N.S. Constitutional Modernization of Russian Statehood: In Light of Constitutional Justice Practice. Moscow: Norma, 2014. Pp. 212–236.

[13] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 1-P dated January 25, 2001. // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_30212/ (accessed: July 5, 2026).

[14] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 29-P dated November 30, 2012. // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138800/ (accessed: July 5, 2026).

[15] Basic Principles and Guidelines on the Right to a Remedy and Reparation for Victims of Gross Violations of International Human Rights Law: UN General Assembly Resolution 60/147 of 16 December 2005. // United Nations. URL: https://legal.un.org/avl/pdf/ha/ga_60-147/ga_60-147_ph_e.pdf (accessed: July 5, 2026).

[16] United Nations. Guiding Principles on Business and Human Rights: Implementing the United Nations “Protect, Respect and Remedy” Framework. // United Nations. New York; Geneva, 2011.

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.06.2026 г.

Дата принятия рукописи в печать: 30.07.2026 г.

КОРНЕВА К.А.,

*аспирант Юридической школы Дальневосточного федерального университета,
ассистент кафедры гражданского права и процесса*

*Юридической школы Дальневосточного федерального университета,
e-mail: korneva.ka@dofu.ru*

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ ПО Ч.1 СТ.303 УК РФ

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные проблемы уголовно-правовой оценки фальсификации доказательств применительно к третейскому разбирательству и международному коммерческому арбитражу. Анализируются пределы действия статьи 303 УК РФ и обусловленная ими невозможность привлечения к уголовной ответственности за представление фальсифицированных доказательств в рамках третейского разбирательства. Обосновывается общественная опасность таких деяний с учетом правовых последствий решений третейских судов и их последующего признания и принудительного исполнения государственными судами. На основании проведенного анализа формулируется вывод о наличии пробела в уголовно-правовом регулировании и предлагается рассмотреть возможность установления самостоятельной уголовной ответственности за умышленное представление фальсифицированных доказательств в третейском разбирательстве.

Ключевые слова: фальсификация доказательств, преступления против правосудия, третейское разбирательство, международный коммерческий арбитраж, уголовная ответственность, статья 303 УК РФ, криминализация, фальсифицированные доказательства.

KORNEVA K. A.,

*postgraduate student of the Law School of the Far Eastern Federal University,
assistant of the Department of Civil Law and Procedure of the
Law School of the Far Eastern Federal University*

ON SOME FEATURES OF THE CRIMINAL-LEGAL ASSESSMENT OF THE FALSIFICATION OF EVIDENCE IN CIVIL CASES UNDER PART 1 OF ARTICLE 303 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article examines certain issues concerning the criminal-law assessment of falsification of evidence in arbitration proceedings and international commercial arbitration. It analyzes the scope of Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation and the resulting impossibility of imposing criminal liability for the submission of falsified evidence in arbitration proceedings. The author substantiates the public danger of such conduct, taking into account the legal consequences of arbitral awards and their subsequent recognition and enforcement by state courts. Based on the analysis, the article identifies a gap in criminal-law regulation and proposes considering the introduction of a separate criminal provision establishing liability for the intentional submission of falsified evidence in arbitration proceedings.

Key words: falsification of evidence, crimes against justice, arbitration proceedings, international commercial arbitration, criminal liability, Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation, criminalization, falsified evidence.

С введением в действия УК РФ появилась ст.303 УК РФ, предусматривающая ответственность за преступления против правосудия. Общественная опасность данной категории преступлений не вызывает сомнений, поскольку этими преступлениями подрывается нормальная деятельность суда, чем дискредитируется существующая в РФ судебная система. При безнаказанном представлении в суд фаль-

сифицированных доказательств возникает риск принятия несправедливого и неправового решения.

Согласно ст. 118 Конституции РФ правосудие в РФ осуществляется только судом и только посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства.

При этом глобализационный расцвет законо-

мерно определяет тенденции к трансграничному сотрудничеству. Так, международный коммерческий арбитраж является одним из альтернативных способов урегулирования спора и основным способом разрешения споров в трансграничных экономических отношениях.

Поскольку ст.303 УК РФ является по своей сути преступлением против правосудия, то фальсификация доказательств, представленных в разбирательство в международном арбитраже, не охватывается данным составом. Безусловно, международный арбитраж в значительной степени изолирован от вмешательства государственных судов, однако арбитраж по-прежнему зависим от поддержки судов, осуществляющих правосудие. В частности, решения международного арбитража признаются и приводятся в исполнение государственными судами, в последующем на решения арбитражей выдаются исполнительные листы.

Таким образом, государственный суд рискует «стать марионеткой», исполняя решения арбитража, вынесенные по безнаказанно представленным фальсифицированным доказательствам. В своем крайнем проявлении это ведет к трансформации институтов, предназначенных для разрешения споров, в источник еще более острых конфликтов [1]. Кроме того, в случае с незаконными доказательствами противоречивые подходы арбитражных трибуналов затрагивают не только частные права. Стоит признать, что иногда речь идет не просто о нарушении норм права отдельной страны - ставятся под сомнение основные принципы любого разбирательства, а в ряде случаев и международный публичный порядок [2].

По российскому праву привлечение представителя к уголовной ответственности за фальсификацию доказательств в арбитраже также невозможно и по ст. 304 УК РФ, так как и эта статья не применяется к третейским разбирательствам [3].

Традиционная для российских государственных судов процедура уведомления свидетеля под роспись об ответственности за дачу заведомо ложных показаний по ст. 307 УК РФ не применяется при рассмотрении дела в международном коммерческом арбитраже, поскольку, как было указано ранее, арбитраж не осуществляет правосудие с точки зрения диспозиции данной нормы.

Следовательно, дача заведомо ложных показаний в ходе арбитражного разбирательства, представление фальсифицированных доказательств не образуют соответствующего состава преступления с точки зрения российского уголовного законодательства.

Показательным в данном контексте является приговор Советского районного суда г. Волгограда от 9 октября 2017 г. по делу № 1-323/2017[4]. Как следует из обстоятельств дела, виновным Т. были использованы подложные документы, якобы подтверждающие наличие заемных обязательств, первоначально представленные при рассмотрении спора третейским судом (Пер-

вым арбитражным учреждением). На основании указанных документов третейским судом было принято решение о взыскании задолженности (денежных средств в размере 49 000 000 рублей и третейского сбора в размере 100 000 рублей). Впоследствии виновный обратился в государственный суд с заявлением о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, представив в том числе полный комплект подложных документов. Действия лица были квалифицированы по ч. 1 ст. 303 УК РФ как фальсификация доказательств по гражданскому делу с назначением ему наказания в виде штрафа в доход государства в размере 200 000 рублей.

Приведенный пример представляет интерес с точки зрения определения пределов уголовно-правовой охраны отношений, связанных с третейским разбирательством. Так, подложные документы фактически использовались еще при рассмотрении спора третейским судом (арбитражным учреждением) и послужили основанием для вынесения соответствующего решения. Вместе с тем уголовно-правовое значение в рамках ст. 303 УК РФ приобрело лишь последующее представление того же комплекта подложных документов в государственный суд при разрешении вопроса о выдаче исполнительного листа.

Таким образом, возникает ситуация, при которой представление сфальсифицированного доказательства непосредственно в третейском разбирательстве остается за пределами действия ч. 1 ст. 303 УК РФ, тогда как последующее представление такого доказательства в государственный суд может получить уголовно-правовую оценку по указанной норме. При этом наступление стадии обращения в государственный суд не является обязательным следствием каждого третейского разбирательства, что позволяет говорить о наличии пробела в уголовно-правовой охране соответствующего вида отношений.

По-нашему мнению, вышеописанное требует внимания научного сообщества и являет собой квалифицированное умолчание законодателя на выявленную проблематику.

Российский правопорядок в данной проблеме не одинок. Схожий подход можно заметить в уголовном законодательстве Швейцарии, где ст.306 Уголовного кодекса предусматривает ответственность за ложные показания стороны, т. е. истца или ответчика в гражданском судопроизводстве, а ст.307 Уголовного кодекса Швейцарии за ложные показания свидетеля и эксперта [5]. При этом в уголовном законодательстве отсутствует какое-либо примечание, позволяющее распространить действие представленных ранее норм на разбирательства в третейских судах, что является особо показательным для проарбитражной юрисдикции.

Возвращаясь к законодательству РФ, примечательно, что в соответствии с п. 1 ст. 11 ГК РФ защите нарушенных или оспоренных гражданских

прав осуществляет согласно подведомственности дел, установленной процессуальным законодательством, суд, арбитражный суд или третейский суд. Однако санкции уголовного права выводят из правового поля те же деяния (представление фальсифицированных доказательств), совершенные при разбирательствах в арбитраже.

Представляется, что арбитры должны обладать достаточными полномочиями для противодействия представлению фальсифицированных доказательств на протяжении всего разбирательства. В этом контексте арбитр должен соблюдать тонкую грань между «защитой» арбитражного разбирательства от недопустимых доказательств и недопущением превышения своих полномочий. В таких случаях перед арбитрами возникает еще один вопрос: перевешивает ли их обязанность сообщить о преступлении, если таковая имеется, принцип конфиденциальности арбитражного разбирательства, являющийся преимуществом данного способа урегулирования спора.

При этом в УК РФ с 2020 года действует ст. 200.7 УК РФ «Подкуп арбитра (третейского судьи)». Криминализация подкупа арбитра (третейского судьи) (ст. 200.7 УК РФ), как следует из Пояснительной записки к законопроекту о внесении изменений в Уголовный кодекс РФ, обусловлена реализацией рекомендаций Группы государств по борьбе с коррупцией (ГРЕКО), а также отсутствием уголовной ответственности арбитров (третейских судей) за получение незаконного вознаграждения [6]. Таким образом, несколько лет назад законодатель уже признал некое существование общественной опасности какого-либо стороннего влияния на решение, вынесенное третейским судом. Возникает справедливый вопрос: по какой причине законодатель бездействует в вопросе криминализации представления фальсифицированных доказательств в рамках арбитража, ведь это является самостоятельной формой влияния на итоговое решение, обеспечиваемое принудительной силой государства.

Общественная опасность противоправного поведения в ходе третейского разбирательства не исчерпывается подкупом арбитра. Цель одной из сторон заключается в том, чтобы арбитражный трибунал вынес решение, основанное на ложных заявлениях, поддельных документах. Безусловно, стоит признать, что на данном этапе арбитры не располагают достаточными инструментами для оперативного выявления наличия преступного умысла. Одним из возможных решений данной проблемы могла бы стать криминализация умышленного представления фальсифицированных доказательств при разбирательствах с местом арбитража в России, а также возможностью последующего сообщения о преступлении при третейском разбирательстве. Пределы предложенной криминализации требуют дальнейшего научного осмысления с учетом необходимости соблюдения баланса между содействием развитию арбитраж-

ного разбирательства и контролем со стороны государства.

Указанное позволяет внести научные предложения о формировании самостоятельной нормы об ответственности за представление фальсифицированных доказательств в международном коммерческом арбитраже, что обусловлено общественной опасностью деяния.

Учет вышеизложенных тезисов и устранение выявленных правовых пробелов и квалифицированных умолчаний посредством криминализации деяний позволит получить большее доверие к разбирательствам с местом арбитража в России.

Список литературы:

- [1] Райзман У.М., Фридман Э.Э. Дилемма истца: незаконно полученные доказательства и приемлемость в международном судебном разбирательстве // *Американский журнал международного права*. 1982. Том 76. С. 737 – 753.
- [2] Новые горизонты международного арбитража: Сборник статей выступающих на конференции «Российский арбитражный день - 2018» / С.Н. Алехин, А.В. Асосков, А.В. Грищенко и др.; под науч. ред. А.В. Асоскова, А.И. Муранова, Р.М. Ходыкина. М.: Ассоциация исследователей международного частного и сравнительного права, 2018. Вып. 4. 349 с.
- [3] Международный коммерческий арбитраж: Учебник / С.А. Абесадзе, Т.К. Андреева, В.Н. Ануров и др.; отв. ред. Т.А. Лунаева; науч. ред. О.Ю. Скворцов, М.Ю. Савранский, Г.В. Севастьянов. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Редакция журнала «Третейский суд»; М.: Статут, 2018. Вып. 9. 965 с.
- [4] Приговор Советского районного суда города Волгограда от 09.10.2017 по делу № 1-323/2017. // СудАкм. URL: <https://sudact.ru/regular/court/resheniya-sovetskii-raionnyi-sud-g-volgograda-volgogradskaiia-oblast/> (дата обращения: 16.07.2026).
- [5] Уголовный кодекс Швейцарии / под ред. А.В. Серебрянниковой. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 350 с.
- [6] Коренная А.А. Общественная опасность подкупа арбитра (третейского судьи) (ст. 200.7 УК РФ) // *Российский судья*. 2023. N 7. С. 24 - 29.

References:

- [1] Reisman W.M., Freedman E.E. The Plaintiff's Dilemma: Illegally Obtained Evidence and Admissibility in International Adjudication // *American Journal of International Law*. 1982. Vol. 76. P. 737–753.
- [2] New Horizons of International Arbitration: Collection of Papers Presented at the «Russian Arbitration Day – 2018» Conference / S.N. Alekhin, A.V. Asoskov, A.V. Grishchenkova et al.; scientific eds. A.V. Asoskov, A.I. Muranov, R.M. Khodykin. Moscow: Association of Researchers of Private International and Comparative Law, 2018. Issue 4. 349 p.
- [3] International Commercial Arbitration: Textbook / S.A. Abesadze, T.K. Andreeva, V.N. Anurov et al.; executive ed. T.A. Lunaeva; scientific eds. O.Yu. Skvortsov, M.Yu. Savransky, G.V. Sevastyanov. 2nd ed., revised and supplemented. St. Petersburg: Editorial Office of the Journal

«Treteyskiy Sud» (Arbitration Court); Moscow: Statut, 2018. Issue 9. 965 p.

[4] Judgment of the Sovetsky District Court of Volgograd dated October 9, 2017, in Case No. 1-323/2017 // SudAkt. URL: <https://sudact.ru/regular/court/resheniya-sovetskii-raionnyi-sud-g-volgograda-volgogradskaya-oblast/> (accessed: 16.07.2026).

[5] Criminal Code of Switzerland / ed. by A.V. Serebryannikova. – St. Petersburg: Yuridicheskiy Tsentr Press, 2002. – 350 p.

[6] Korennaya A.A. Public Danger of Bribery of an Arbitrator (Art. 200.7 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Rossiyskiy Sudya. 2023. No. 7. P. 24–29.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.06.2026 г.

Дата принятия рукописи в печать: 30.07.2026 г.

*ГЕРАСИК Виктория Сергеевна,
магистрант 2 курса факультета высшего образования
Сочинского филиала ВГУЮ (РПА Минюста России), г.Сочи,
e-mail: vios_k@icloud.com*

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОКУШЕНИЯ НА УБИЙСТВА И УГРОЗЫ УБИЙСТВОМ В СОВРЕМЕННОЙ ПРАКТИКЕ СЛЕДСТВИЯ И СУДА

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные научно-теоретические и правоприменительные аспекты квалификации, связанные с отграничением покушения на убийство (ч. 3 ст. 30 ч. 1 ст. 105 УК РФ) от угрозы убийством (ст. 119 УК РФ). Автор останавливается на спорных моментах субъективной и объективной сторон указанных составов, создающих наибольшие трудности как в работе следственных органов, так и судов. Отдельно рассматриваются противоречия в судебном толковании, проистекающие из пробелов в законодательстве и субъективности при оценке психического восприятия совершенного деяния потерпевшими.

Ключевые слова: квалификация, смежные составы преступлений, покушение, угроза убийством, умысел, практика.

*GERASIK Viktoria Sergeevna,
2nd-year master's student at the Faculty of Higher Education,
Sochi branch of the Federal State Institution
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi*

DISCUSSED ISSUES REGARDING THE DISTINCTION BETWEEN ATTEMPTED MURDER AND THREATENED MURDER IN MODERN INVESTIGATIVE AND COURT PRACTICE

Annotation. The article examines current scientific, theoretical, and law enforcement aspects of qualification related to distinguishing attempted murder (Part 3 of Article 30, Part 1 of Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation) from a threat to commit murder (Article 119 of the Criminal Code of the Russian Federation). The author focuses on the controversial issues related to the subjective and objective aspects of these criminal offenses, which create the greatest difficulties both for investigative bodies and for the courts. Contradictions in judicial interpretation arising from gaps in the legislation and subjectivity in assessing the victims' psychological perception of the act are examined separately.

Key words: qualification, related crimes, attempt, threat to kill, intent, practice.

Вопросы отграничения смежных составов преступлений традиционно относятся к числу наиболее сложных в отечественной уголовно-правовой доктрине. Ключевая проблема, в большинстве случаев, кроется в установлении действительной направленности умысла виновного. В теории уголовного права и судебной практике сложилась устойчивая тенденция: квалификация неоконченного убийства, предложенная органами предварительного расследования, преимущественно, не поддерживается судебными инстанциями, так как субъективная сторона преступления оценивается участниками уголовного процесса неодинаково. Причинами выступает природа умысла, которая не может быть однозначно формализована, а также сжатые сроки расследования, не позволяющие следствию в полной мере проанализировать всю совокупность обстоятельств, характеризующих поведение ви-

новного до, во время и после деяния. Ошибки на данном этапе неизбежно ведут к искажению юридической оценки не только субъективных, но и объективных признаков преступления. Сложность усугубляется и тем, что законодатель не всегда проводит четкие границы между составами, а разъяснения Пленума Верховного Суда и Конституционного Суда РФ не охватывают всех спорных ситуаций.

Особую актуальность эта проблема приобретает при разграничении угрозы убийством (ст. 119 УК РФ) и покушения на убийство (ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ). Практическое значение такого разграничения заключается в том, что именно от квалификации зависит итоговая санкция и справедливость назначаемого наказания.

Статья 119 УК РФ предусматривает ответственность за угрозу убийством либо причинением тяжкого вреда здоровью [1]. Данный состав

относится к категории формальных, момент его окончания связывается не с наступлением общественно опасных последствий, а с самим фактом внешнего выражения угрозы, которое может быть облечено в любую активную форму. Однако, обязательным условием квалификации выступает наличие у потерпевшего реальных оснований опасаться приведения угрозы в исполнение. В доктрине такие составы иногда именуют «информационными» преступлениями, поскольку механизм воздействия проходит через психику потерпевшего. Воздействуя на психическое состояние личности, виновный порождает у человека стойкое чувство тревоги и беспокойства за собственную жизнь, здоровье и безопасность.

Векленко С. В. и Шутова Ю. А. отмечают, что угроза убийством всегда сопряжена с намерением запугать потерпевшего. Запугивание в данном контексте предполагает подавление воли потерпевшего, что необходимо виновному для того, чтобы направить поведение жертвы в желаемое для себя русло [4 с. 65].

Покушение на убийство (ч. 3 ст. 30, ст. 105 УК РФ), в свою очередь, сконструировано как неоконченное преступление. Его отличает начало стадии исполнения — совершение поведенческих актов (действий либо бездействий), в которых находят частичное выражение признаки умышленного лишения жизни другого человека. Объективная сторона покушения обладает признаком, установленным законодателем: преступление не доводится до конца вследствие обстоятельств, независящих от виновного.

Различие между указанными составами прослеживается как по объективной стороне, так и по содержанию умысла. При угрозе убийством намерение виновного сводится к устрашению потерпевшего, а не к лишению его жизни посредством совершаемых действий. При покушении же сами действия объективно способны повлечь смерть и направлены именно на её причинение. Иными словами, умысел в рамках ст. 119 УК РФ сопряжён с формированием у потерпевшего чувства страха и восприятия опасности, тогда как при покушении он ориентирован на лишение жизни.

Однако в действительности внешне тождественные действия нередко получают неодинаковую интерпретацию со стороны участников уголовного судопроизводства. Часть сложностей при разграничении угрозы убийством от покушения на убийство проистекает также из-за недостаточной определённости границы между угрозой и насильем. Насилие в уголовно-правовом смысле — категория, охватывающая как физическое, так и психическое воздействие. Речь идёт о ситуациях, когда виновный сознательно применяет физическую силу к другому человеку, посягая на его телесную неприкосновенность, причиняя боль, вред здоровью или лишая жизни [5 с. 125].

Анализ судебной практики демонстрирует, что дефекты установления направленности

умысла виновного часто возникают из-за недостаточной конкретизации в процессуальных документах признаков угрозы, предусмотренной ст. 119 УК РФ. Кроме того, затруднения вызывает и отсутствие указания на то, в чем именно выражались опасения потерпевшего, вследствие чего происходит необъективная и не полная оценка судом всех собранных по делу доказательств.

Так, постановлением Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 6 февраля 2025 г. по делу № 7У-8733/2024 [77-257/2025-(77-3818/2024)] оправдательный приговор суда первой инстанции и апелляционное определение по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст. 119 УК РФ, были отменены. Кассационная инстанция констатировала, что нижестоящие суды не произвели всесторонней оценки совокупности собранных доказательств, не разрешили противоречия, содержащиеся в показаниях потерпевшей, и не привели в приговоре мотивов, по которым были отвергнуты ее первоначальные показания. Помимо этого, в приговоре отсутствовало указание на конкретную угрозу, вменявшуюся подсудимому, а также ее обязательные признаки, из-за чего нижестоящие инстанции пришли к противоречивому выводу [2].

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22 июля 2021 г. № 82-УД21-7-К7 демонстрирует еще одну схожую распространенную ошибку. Когда насилие сопровождается высказываниями об убийстве, суды, в ряде случаев, автоматически усматривают статью 119 УК РФ, однако далеко не всякое насилие, соединенное с высказыванием об убийстве, образует данный состав. В указанном деле виновный наносил потерпевшему удары руками, металлическим предметом и ногами по разным частям тела, в том числе по голове, тем не менее, суды первой и апелляционной инстанции сошлись в квалификации содеянного по ч. 1 ст. 119 УК РФ. Верховный Суд РФ отменил решения нижестоящих инстанций и разъяснил, что оценке подлежат не любые насильственные действия, а лишь те, которые действительно порождают у потерпевшего уверенность в реальности угрозы и ее опасности. Реальность угрозы должна устанавливаться через совокупность субъективного и объективного критериев. Субъективный критерий отражает намерение виновного привести угрозу в исполнение и восприятие ее потерпевшим как опасной для жизни, при этом угроза должна быть для потерпевшего очевидной. Объективный критерий выявляется с учетом обстановки, в которой угроза была высказана, личности угрожающего, а также характера взаимоотношений между потерпевшим и виновным [3].

Противоположный случай — когда как покушение квалифицируются лишь жесты или высказывания, не подкреплённые действиями, действительно способными причинить смерть. Подобные ситуации встречаются нередко в делах,

выросших из бытовых ссор, что обнажает методологическую слабость в обращении с категорией «непосредственности» покушения [6 с. 741], а также моментом начала исполнительской стадии посягательства.

В работах В.Ф. Щепелькова и Е.В. Ивановой также подчёркивается, что по уголовным делам о покушении на убийство, возникшим не в результате заранее продуманного плана, а вследствие спонтанного развития бытового или семейного конфликта, установление направленности умысла и виновности лица сопряжено с серьёзными трудностями, так как при спланированном преступлении довольно просто оценивать, что предвидел и желал виновный, сложности возникают, когда все происходит при внезапно возникшем умысле [7 с. 248].

Описанные дефекты свидетельствуют о разрыве между нормативной конструкцией состава и его фактическим установлением. Правоприменитель, в большинстве случаев, не исследует противоречия в показаниях, не конкретизирует содержание угрозы либо механически выводит признак реальности из самого факта насильственных действий, из-за чего происходит подмена доказывания квалификационным шаблоном.

Подводя итог всему вышеизложенному, можно сделать вывод, что проблематика разграничения смежных составов преступлений возникает не только из-за дефектов законодательной регламентации. Существенная, а в ряде случаев и определяющая роль принадлежит качеству правоприменительной деятельности. Органы предварительного расследования и суд зачастую ограничиваются констатацией внешней стороны содеянного, не осуществляя должного проникновения в содержание умысла виновного, что составляет основу квалификации.

Для решения вышеуказанных проблем целесообразно акцентировать внимание в правоприменительной практике с поверхностного установления внешних признаков деяния на содержательный анализ субъективной стороны, что предполагает не просто фиксацию факта высказывания угрозы или нанесения ударов, а тщательное исследование всех обстоятельств дела. Необходимость установления более детальной процессуальной регламентации описания признаков угрозы в обвинительных заключениях и приговорах. Следует указывать, в чем конкретно выражалась угроза, какими словами или действиями она сопровождалась, на чем основывался страх потерпевшего и почему у него были реальные основания опасаться приведения угрозы в исполнение. Подобная конкретизация не только дисциплинирует правоприменителя, но и создает предпосылки для последующей проверки законности вышестоящими инстанциями.

Для достижения перечисленных целей требуется пересмотр норм, регулирующих указанные процедуры, с акцентом на повышение от-

ветственности участников уголовного процесса, несущих обязанность доказывания за качество предварительного расследования, а также на укрепление гарантий прав участников процесса и повышение прозрачности судебных решений.

Также, представляется продуктивным обратиться к накопленному доктринальному опыту и обобщить его в формате методических рекомендаций для правоприменителей, так как судебные разъяснения не могут охватить всего многообразия спорных ситуаций. Необходимость выработки четких критериев разграничения, которые бы не подменяли собой закон, но помогали ориентироваться в спорных ситуациях.

Данные положения позволили бы снизить изменчивость квалификации и укрепить единообразие судебной практики.

Список литературы:

- [1] Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ : (ред. от 09.04.2026) // КонсультантПлюс : сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 02.09.2026).
- [2] Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 06.02.2025 по делу № 7У-8733/2024 [77-257/2025-(77-3818/2024)] // Четвертый кассационный суд общей юрисдикции : официальный сайт. – URL: https://4kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srn_num=1&name_op=case&case_id=36089547&case_uid=742742a3-15ff-4999-ae05-ab9c4180f942&delo_id=2450001&new=2450001 (дата обращения: 22.09.2026).
- [3] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.07.2021 № 82-УД21-7-К7 // Legalacts.ru : сайт. – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoy-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-22072021-n-82-ud21-7-k7/> (дата обращения: 22.09.2026).
- [4] Векленко, С. В., Шутова А. Ю. Особенности целеполагания при угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью / С. В. Векленко, А. Ю. Шутова // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2024. – Т. 15, № 1 (55). – С. 60–67.
- [5] Зотов, А. Ю. Проблемы квалификации угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, возникающие в современной следственной и судебной практике / А. Ю. Зотов // Право и практика. – 2022. – № 2. – С. 121–125.
- [6] Хлопчарова, С. В. Проблемы разграничения угрозы убийством и покушения на убийство в российской правоприменительной практике / С. В. Хлопчарова // Вестник науки. – 2025. – № 12 (93). – С. 738–742.
- [7] Щепельков, В. Ф., Иванова Е. В. Отграничение покушения на убийство от преступлений со смежными составами по делам о домашнем насилии / В. Ф. Щепельков, Е. В. Иванова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 4 (104). – С. 245–254.

References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation : Federal Law No. 63-FZ of June 13, 1996 : (as amended on April 9, 2026) // ConsultantPlus : website. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (accessed: September 2, 2026).

[2] Ruling of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction dated February 6, 2025, in Case No. 7UI-8733/2024 [77-257/2025-(77-3818/2024)] // Fourth Cassation Court of General Jurisdiction : official website. – URL: https://4kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=36089547&case_uid=742742a3-15ff-4999-ae05-ab9c4180f942&delo_id=2450001&new=2450001 (accessed: September 22, 2026).

[3] Ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 22, 2021, No. 82-UD21-7-K7 // Legalacts.ru : website. – URL: [https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-pougovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-](https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-pougovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-22072021-n-82-ud21-7-k7/)

[22072021-n-82-ud21-7-k7/](https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-pougovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-22072021-n-82-ud21-7-k7/) (accessed: 22.09.2026).

[4] Veklenko, S. V., Shutova A. Yu. Specifics of goal-setting in cases of threats to kill or inflict grievous bodily harm / S. V. Veklenko, Yu. A. Shutova // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – Vol. 15, No. 1 (55). – P. 60–67.

[5] Zotov, A. Yu. Issues regarding the legal classification of threats to kill or inflict grievous bodily harm arising in modern investigative and judicial practice / A. Yu. Zotov // Law and Practice. – 2022. – No. 2. – P. 121–125.

[6] Khlopcharova, S. V. Issues of distinguishing between a threat to kill and attempted murder in Russian law enforcement practice / S. V. Khlopcharova // Bulletin of Science. – 2025. – No. 12 (93). – P. 738–742.

[7] Shchepelkov, V. F., Ivanova E. V. Distinguishing attempted murder from offenses with related elements in domestic violence cases / V. F. Shchepelkov, E. V. Ivanova // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – No. 4 (104). – Pp. 245–254.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.06.2026 г.

Дата принятия рукописи в печать: 30.07.2026 г.

КОРСУН Виктория Владимировна,
магистрант, 3 курс, (специальность) 40.04.01 Юриспруденция,
Ростовский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России),
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: vikakorsun22@mail.ru

МЕЛЬНИКОВ Виктор Юрьевич,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
Ростовский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России),
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ОСОБАЯ ЖЕСТОКОСТЬ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ: ЭВОЛЮЦИЯ НАУЧНЫХ ВЗГЛЯДОВ И ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Аннотация. В настоящей работе рассматривается эволюция научных взглядов на категорию особой жестокости в российском уголовном праве, начиная с дореволюционного периода и заканчивая современным этапом. Анализируются позиции учёных-юристов XIX–XX веков, а также разъяснения судебной практики. Особое внимание уделяется проблемам квалификации убийства, совершённого с особой жестокостью. Отмечено, что особая жестокость является оценочным понятием, что порождает неоднородность судебной практики. В связи с этим предлагается уточнить понятие особой жестокости в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: особая жестокость, убийство, оценочные понятия, квалифицирующие признаки, мучения, истязания, страдания, судебная практика, Пленум Верховного Суда РФ, квалификация преступлений.

KORSUN Victoria Vladimirovna,
Master's student, 3rd year, (specialization) 40.04.01 Jurisprudence,
Rostov Institute (branch) of VGUYU (RPA of the Ministry of Justice of Russia),
Rostov-on-Don, Russia

MELNIKOV Viktor Yurievich,
Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics
Rostov Institute (branch) of VGUYU (RPA of the Ministry of Justice of Russia),
Rostov-on-Don, Russia

SPECIAL CRUELTY IN RUSSIAN CRIMINAL LAW: EVOLUTION OF SCIENTIFIC VIEWS AND PROBLEMS OF QUALIFICATION

Annotation. This paper examines the evolution of scientific views on the category of special cruelty in Russian criminal law, from the pre-revolutionary period to the modern stage. The author analyzes the positions of legal scholars of the 19th–20th centuries, as well as explanations of judicial practice. Special attention is paid to the problems of qualification of murder committed with special cruelty. It is noted that special cruelty is an evaluative concept, which gives rise to heterogeneity in judicial practice. In this regard, it is proposed to clarify the concept of special cruelty in the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Key words: special cruelty, murder, evaluative concepts, qualifying features, torment, torture, suffering, judicial practice, Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, qualification of crimes.

В уголовном праве особая жестокость традиционно относится к категории оценочных признаков состава преступления. Это означает, что законодатель, формулируя соответствующую норму, не закрепляет её точно, исчерпывающего определения, а лишь указывает на неё как на квалифицирующий признак, содержание которого раскрывается правоприменителем в каждом конкретном случае. Подобный подход обусловлен объективной невозможностью описать в законе все возможные формы и способы проявления жестокости, поскольку они отличаются значительным многообразием и зависят от обстоятельств совершения конкретного деяния. Следует подчеркнуть, что оценочные признаки в целом характерны для уголовного закона и выполняют важную функцию, позволяя правоприменителю учитывать всё многообразие жизненных ситуаций, которые невозможно заранее предусмотреть в тексте нормативного акта. Вместе с тем использование таких признаков неизбежно порождает определённые трудности, связанные с необходимостью их конкретизации применительно к каждому отдельному случаю.

Спорным остаётся вопрос о том, что считать особой жестокостью. В теории и на практике единого мнения нет. Исследователи расходятся в главном. Для одних важен способ совершения преступления. Для других важно то, как виновный относился к страданиям потерпевшего. Для третьих важны сами страдания, их характер и степень. Общий подход так и не сложился. Это создаёт проблемы при квалификации. На практике всё упирается в следующее. Доказать, что преступление действительно совершено с особой жестокостью, трудно. Правоприменителю приходится учитывать множество обстоятельств сразу. Это и обстановка совершения деяния, и поведение виновного, и характер его действий, и то, как долго потерпевший испытывал страдания. Есть и другие факторы. Прямо в законе они не названы. Поэтому суд и следственные органы вынуждены детально разбирать материалы дела. И это часто приводит к спорным решениям.

Дополнительная сложность состоит в том, что для объяснения данного понятия используются смежные категории – «мучение», «истязание», «страдание», «издевательство», «жестокое обращение», «пытка», «сизмизм». При этом каждое из указанных понятий имеет свои смысловые оттенки, которые далеко не всегда учитываются в правоприменительной деятельности. Это приводит к тому, что одно и то же деяние может быть охарактеризовано с использованием различных терминов, что, в свою очередь, затрудняет выработку единых критериев квалификации. Все они также не имеют чётких границ и требуют оценки в каждом конкретном случае. Для более глубокого понимания особой жестокости целесообразно обратиться к истории уголовного законодательства.

В юридической науке принято выделять два

этапа: дореволюционный и советский. Такое деление используется прежде всего для удобства изучения вопроса. Исторический анализ позволяет проследить, каким образом формировалось рассматриваемое понятие, какие факторы влияли на его содержание и каким образом накопленный опыт может быть использован при решении современных проблем квалификации.

В дореволюционном законодательстве термин «особая жестокость» прямо не использовался. Впервые термин «жестокость» был закреплён в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, где она рассматривалась как обстоятельство, усиливающее ответственность преступника [1]. Суд учитывал, насколько жестокими, безнравственными или бесчеловечными были действия при подготовке, совершении или сокрытии преступления. Тем самым законодатель связывал жестокость с повышенной общественной опасностью личности виновного. Кроме того, в нормативных предписаниях той эпохи применялись и смежные по смыслу термины – «мучения» и «истязания». Они находили применение как в виде отдельных составов преступлений, так и в роли обстоятельств, отягчающих ответственность за причинение телесных повреждений, незаконное лишение свободы и убийство. Законодатель устанавливал более строгую меру наказания за убийство, совершённое путём истязания либо сопровождавшееся жестокими мучениями потерпевшего. Кроме того, предусматривалась ответственность за жестокое обращение с детьми и лицами, страдающими психическими заболеваниями. При этом важно отметить, что законодатель того периода не только реагировал на наиболее опасные формы посягательств, но и стремился обеспечить повышенную правовую защиту наиболее уязвимых категорий населения, что свидетельствует о гуманистической направленности уголовной политики того времени.

Однако закон не раскрывал содержания понятий «жестокость», «мучения», «истязания» [2]. По этой причине суды обращались к разъяснениям Правительствующего Сената, которые также не содержали чётких юридических критериев. Например, истязание определялось как посягательство на человека, сопровождающееся мучениями и жестокостью. Очевидно, что такое определение не решало проблему, поскольку одно оценочное понятие раскрывалось через другое. В связи с этим значительную роль приобрели научные исследования.

Юристы того времени предлагали более конкретные определения. Истязание понималось как умышленное причинение сильной физической боли различными способами: избиение розгами, вырывание волос, длительное причинение боли, различные виды пыток (Н. С. Таганцев, И. Я. Фойницкий, Л. С. Белогриц-Котляревский) [3]. Под мучениями понималось создание условий, при которых человек длительное время испыты-

вает тяжёлые страдания: лишение пищи, воды, воздуха, света (Н. С. Таганцев, И. Я. Фойницкий). Ряд учёных (например, Л. С. Белогриц-Котляревский) практически отождествляли истязание с пыткой, понимая под ними систематическое причинение сильных физических страданий: удушение верёвкой, погружение в прорубь, стягивание головы верёвкой до повреждения черепа [4].

Все рассмотренные подходы объединяло то, что предметом анализа выступали не обычные болевые ощущения, неизбежно сопутствующие любому насильственному преступлению, а особенно выраженные и затяжные страдания потерпевшего. Именно данный признак и выступал ключевым критерием, позволяющим отграничить особую жестокость от рядового применения насилия.

Применительно к убийству в научной литературе возобладала точка зрения, согласно которой особая жестокость проявляется главным образом в способе совершения преступления (Н. С. Таганцев). В качестве примеров рассматривались убийство, совершённое путём истязаний, а также убийство, которому предшествовали жестокие мучения потерпевшего, даже если эти мучения непосредственно не послужили причиной смерти (И. Я. Фойницкий). Отмечалось при этом, что закон не приводит точного перечня такого рода способов, вследствие чего суду надлежит оценивать обстоятельства каждого дела в индивидуальном порядке, основываясь прежде всего на характере причинённых потерпевшему страданий.

Согласно воззрениям В. В. Есипова, при оценке особой жестокости следует принимать во внимание личность виновного, а не ограничиваться лишь способом совершения преступления. Он исходил из того, что особая жестокость отражает повышенную общественную опасность преступника, который сознательно останавливает свой выбор на наиболее жестоких способах достижения преступной цели.

Л. С. Белогриц-Котляревский усматривал особую жестокость в причинении потерпевшему дополнительных страданий. По его мнению, убийство следует признавать особо жестоким в случае, если оно сопровождается истязаниями и мучениями, которые либо непосредственно приводят к смерти, либо направлены на усиление страданий жертвы. Анализируя преступления против свободы личности, он пришёл к выводу, что мучения могут причиняться не только насильственными действиями, но и условиями содержания потерпевшего: холод, сырость, отсутствие воздуха, если виновный осознавал и допускал такие последствия.

И. Я. Фойницкий рассматривал понятие жестокого обращения, относя к нему причинение увечий, ранений, систематические побои, неоднократное сечение розгами и иные действия, вызывающие длительное физическое страдание потерпевшего [5].

Подводя итог дореволюционному периоду, следует отметить, что термин «особая жестокость» в законодательстве прямо не использовался. Широко применялись близкие по смыслу понятия – «жестокость», «истязание», «мучение», «страдание». Они использовались как самостоятельные составы преступлений, квалифицирующие признаки или обстоятельства, отягчающие наказание. Однако законодатель не раскрывал их содержания. Представители дореволюционной науки уголовного права пытались восполнить этот пробел через научные исследования. Они объясняли жестокость через смежные категории – мучения, истязания, страдания, издевательства, однако единого определения так и не выработали. Особая жестокость продолжала оставаться оценочным понятием, что создавало трудности в судебной практике. Вместе с тем именно учёные данного периода впервые попытались связать особую жестокость с элементами состава преступления, рассматривая её прежде всего, как характеристику способа совершения преступления, а также связывая её с личностью виновного и его преступными качествами. Общим для большинства авторов было мнение, что главным признаком особой жестокости являются особые физические и психические страдания потерпевшего, выходящие за пределы обычных последствий преступления.

В советский период законодатель во многом сохранил преемственность предыдущего этапа. В УК РСФСР 1922 года жестокость была закреплена как обстоятельство, отягчающее наказание. В УК РСФСР 1926 года впервые прямо используется термин «особая жестокость» как обстоятельство, усиливающее уголовную ответственность. Однако законодательного определения данного понятия по-прежнему не существовало, и основная роль в его раскрытии принадлежала учёным. Следует отметить, что советская уголовно-правовая доктрина развивалась в условиях существенно изменившейся социально-политической обстановки, однако преемственность в понимании особой жестокости в значительной степени сохранилась, что свидетельствует о фундаментальном характере выработанных ранее подходов.

Особо жестоким А. А. Пионтковский предлагал считать только то убийство, при котором преступник проявил исключительную жестокость. Она свидетельствует о его повышенной общественной опасности [6]. При этом страдания, по его мнению, сопровождают любое убийство. К особо мучительным способам он относил медленно действующий яд, сожжение человека, предварительные пытки, лишение пищи и воды, большое число ранений, расчленение живого человека. К ним он причислял и иные способы, причиняющие исключительные страдания. Обязательным он полагал установление осознания виновным мучительного характера своих действий. Издевательствами автор называл много-

кратные побои и иные насильственные действия, причиняющие сильную физическую боль.

Значимым нормативным актом стал УК РСФСР 1960 года, в котором понятие особой жестокости использовалось не только как обстоятельство, отягчающее наказание, но и как квалифицирующий признак отдельных преступлений, прежде всего умышленных убийств [7]. Однако законодательного определения данного понятия по-прежнему не существовало, поэтому разъяснения формировались судебной практикой. Верховный Суд СССР в постановлении от 27.06.1975 № 4 указал, что особая жестокость может проявляться как в особо мучительном способе убийства, так и в иных обстоятельствах преступления. Позднее Пленум Верховного Суда РСФСР постановлением от 22.12.1992 № 15 подчеркнул, что для признания убийства совершённым с особой жестокостью необходимо установить, что виновный осознавал особую жестокость своих действий и желал либо сознательно допускал причинение потерпевшему особых страданий.

Подводя итог советскому периоду, следует отметить, что уголовно-правовая наука продолжила развивать идеи дореволюционных учёных. Основное внимание уделялось тому, что особая жестокость характеризуется причинением потерпевшему исключительных физических или нравственных страданий, в связи с чем требуется установление осознания виновным мучительного характера своих действий. В дальнейшем это стало основой современного понимания особой жестокости в российском уголовном праве.

Советские учёные продвинулись дальше дореволюционных. Главное их достижение касается места особой жестокости в составе преступления. Раньше её связывали в основном со способом совершения деяния. Теперь появился более широкий взгляд. Особая жестокость может проявиться и в способе, и в обстановке совершения преступления. Кроме того, она должна охватываться умыслом виновного. Проще говоря, чтобы вменить особую жестокость, нужно доказать одно. Лицо осознавало, что причиняет потерпевшему особые страдания. И при этом либо сознательно допускало их, либо хотело их наступления. Несмотря на то, что законодательного определения так и не появилось, научная мысль существенно приблизилась к современному пониманию особой жестокости и выработала основные критерии её оценки.

Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации сохранил преемственность развития законодательства и научных подходов к пониманию данного понятия.

Доктрина уголовного права называет несколько ключевых трудностей, которые возникают при квалификации убийства, совершённого с особой жестокостью.

Первую трудность порождает оценочная природа рассматриваемого признака. Точного и

однозначного определения в законе нет, в связи с чем вопрос о наличии в действиях виновного особой жестокости разрешается судом применительно к каждому конкретному делу. Как результат – один и тот же способ лишения жизни может оцениваться судами по-разному, а единообразие судебной практики не обеспечивается. Представляется, что подобная ситуация не в полной мере отвечает требованиям правовой определённости и может создавать предпосылки для нарушения прав участников уголовного судопроизводства. В связи с этим выработка единых критериев оценки особой жестокости приобретает особую актуальность.

Вторая трудность заключается в необходимости установить умысел виновного именно на совершение убийства с особой жестокостью. Данное правило закреплёно в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)». При этом в реальной правоприменительной деятельности суды нередко ограничиваются общими формулировками о наличии умысла и не раскрывают, почему виновный осознавал особую мучительность собственных действий и желал либо сознательно допускал дополнительные страдания потерпевшего.

Это подтверждается примерами судебной практики. Красноярский краевой суд в приговоре от 05.06.2020 по делу № 2-11/2020 признал особую жестокость в ситуации, когда виновный облил потерпевшую горячей жидкостью и поджёг её [8]. Суд сослался на то, что потерпевшей была причинена сильная физическая боль и длительные мучения, а виновный не оказал помощи и наблюдал за происходящим, рассчитывая на страдания потерпевшей до наступления смерти. Вместе с тем не все дела являются столь очевидными. Бийский городской суд Алтайского края в приговоре от 29.04.2019 по делу № 1-108/2019 признал убийство, совершённое путём поджога дома, совершённым с особой жестокостью [9]. Однако специалисты в области судебной медицины отметили, что, если человек погибает от отравления угарным газом во сне, смерть может наступить до воздействия огня на тело, и потерпевший не испытывает длительных физических страданий. В таких ситуациях возникает вопрос: действительно ли имеются объективные признаки особой жестокости или суд исходит лишь из самого опасного способа совершения преступления? Приведённый пример наглядно демонстрирует, что без тщательного анализа всех обстоятельств дела, включая данные судебно-медицинской экспертизы, вывод о наличии особой жестокости может оказаться недостаточно обоснованным. Это, в свою очередь, подтверждает необходимость выработки более чётких критериев оценки рассматриваемого признака.

Анализ научных взглядов, сформировавшихся в различные исторические периоды, даёт ос-

нования утверждать, что большинство авторов независимо от принадлежности к той или иной научной школе и вне зависимости от исторической эпохи связывали особую жестокость прежде всего с причинением потерпевшему исключительных физических или нравственных страданий, выходящих за пределы тех страданий, которые неизбежно сопровождают любое убийство. При этом в доктрине постепенно сформировалось устойчивое понимание того, что для квалификации содеянного недостаточно установить лишь объективный способ совершения преступления. Необходимо также доказать, что виновный осознавал мучительный характер своих действий и желал либо сознательно допускал причинение потерпевшему особых страданий.

Исходя из отмеченных проблем, представляется целесообразным уточнить понятие особой жестокости в постановлении Пленума Верховного Суда. Под ней следует понимать такой способ или обстановку совершения убийства, при которых виновный умышленно причиняет потерпевшему дополнительные, исключительные по своему характеру физические или психические страдания, не являющиеся неизбежным последствием лишения жизни, осознавая их причинение и желая либо сознательно допуская их наступление. Предлагаемое определение, как представляется, в достаточной мере учитывает как объективные, так и субъективные признаки рассматриваемого деяния, что позволяет обеспечить более точную и обоснованную квалификацию содеянного. Кроме того, оно согласуется с основными положениями уголовно-правовой доктрины и не противоречит сложившимся подходам к пониманию особой жестокости.

Предлагаемое определение позволяет отграничить особую жестокость от смежных оценочных категорий. Прежде всего речь идёт о жестоком обращении, под которым в доктрине уголовного права понимается систематическое, умышленное причинение потерпевшему физических или психических страданий, не связанное с лишением жизни и выражающееся в побоях, истязаниях, лишении пищи, сна, медицинской помощи, а также в иных действиях, унижающих человеческое достоинство. Жестокое обращение характеризуется, как правило, длящимся характером и может не преследовать цели причинения смерти, тогда как особая жестокость при убийстве всегда направлена на лишение жизни и проявляется в момент совершения убийства либо непосредственно перед ним. Кроме того, жестокое обращение нередко носит бытовой, семейный или воспитательный характер, в то время как особая жестокость при убийстве обусловлена умыслом на причинение смерти особо мучительным способом.

Не менее важно разграничение особой жестокости с такими категориями, как истязание, мучение, издевательство и пытка. Истязание предпо-

лагает причинение физических или психических страданий путём систематического нанесения побоев либо иными насильственными действиями, однако оно не обязательно связано с посягательством на жизнь. Мучение представляет собой создание таких условий, при которых потерпевший длительное время испытывает тяжёлые страдания (например, лишение воды, света, тепла). Издевательство выражается в действиях, направленных на унижение чести и достоинства потерпевшего, причинение ему нравственных страданий. Пытка же представляет собой умышленное причинение сильной боли или страданий с целью получения сведений, наказания или устрашения. Все эти категории объединяет оценочный характер и отсутствие легального определения, однако основным критерием, позволяющим отграничить особую жестокость, выступает направленность умысла на лишение жизни и исключительный, дополнительный характер страданий, выходящих за пределы неизбежных при убийстве.

Предлагаемое уточнение позволит решить несколько практических задач. Во-первых, оно устранил существующую в правоприменительной практике неопределённость, при которой один и тот же способ совершения преступления – например, поджог, нанесение множественных ранений, использование медленно действующего яда – в одних случаях признаётся проявлением особой жестокости, а в других – нет. Во-вторых, оно ориентирует суд на необходимость установления не только объективной стороны деяния, но и субъективного отношения виновного к причиняемым страданиям, что соответствует принципу субъективного вменения и требованиям справедливости уголовного закона. В-третьих, чёткое указание на то, что особые страдания должны носить дополнительный характер и не являться неизбежным последствием лишения жизни, позволит исключить случаи, когда в качестве особой жестокости ошибочно вменяются любые действия, сопровождающие убийство (например, нанесение нескольких ударов ножом, не связанное с намерением причинить дополнительные страдания). В-четвёртых, предлагаемое определение создаёт основу для единообразного толкования признака особой жестокости применительно к иным составам преступлений, где он также используется (например, ч. 2 ст. 111, ч. 2 ст. 112, ст. 117 УК РФ), что способствует формированию устойчивой судебной практики.

Данное уточнение позволило бы обеспечить более единообразное применение уголовного закона, снизить количество ошибок при квалификации убийств, совершённых с особой жестокостью, а также повысить уровень гарантий прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. В конечном счёте это способствовало бы укреплению законности и правопорядка, а также формированию единообразной судебной практики по делам данной категории.

Список литературы:

- [1] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Полное собрание законов Российской империи. – Собрание 2-е. – Т. XX. – Отд. 1. – СПб.: Тип. Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1846. – № 19283. – С. 257.
- [2] Андреева Л.А., Константинов П.Ю. Влияние жестокости преступного поведения на уголовную ответственность. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – С. 106-107.
- [3] Таганцев Н.С. О преступлениях против жизни по русскому праву: в 2 т. / Н. С. Таганцев. – Санкт-Петербург: Типография А. М. Котомина, 1871. – Т. 2. – С. 356.
- [4] Белогриц-Котляревский Л.С. Очерки курса русского уголовного права. Общая и Особенная части / Л. С. Белогриц-Котляревский. – Харьков, 1908. – С. 98.
- [5] Фойницкий И.Я. Уголовное право. Посягательства личные и имущественные / И. Я. Фойницкий. – 5-е изд. – Санкт-Петербург, 1907. – С. 189.
- [6] Пионтковский А.А. Преступления против личности: уголовное право. Особенная часть / А. А. Пионтковский. – Москва: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1938. – С. 20.
- [7] Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 591.
- [8] Решение от 05.06.2019 по делу № 33-7981/2019 (Красноярский краевой суд) // Репутация. URL: <https://reputation.su/sudrf/238915454?ysclid=mubb3ymag7672956652> (дата обращения: 03.06.2026).
- [9] Приговор № 1-108/2019 1-920/2018 от 28 апреля 2019 г. по делу № 1-108/2019 (Бийский городской суд Алтайского края) // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RZOvDNbSMK6m/?ysclid=mubb1qpt56187418601> (дата обращения: 03.06.2026).

[ru/regular/doc/RZOvDNbSMK6m/?ysclid=mubb1qpt56187418601](https://sudact.ru/regular/doc/RZOvDNbSMK6m/?ysclid=mubb1qpt56187418601) (дата обращения: 03.06.2026).

References:

- [1] Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845 // Complete Collection of Laws of the Russian Empire. – 2nd Collection. – Vol. XX. – Part 1. – St. Petersburg: Printing House of the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1846. – No. 19283. – P. 257.
- [2] Andreeva L.A., Konstantinov P.Yu. The Influence of Cruelty in Criminal Behavior on Criminal Liability. – St. Petersburg: Yuridicheskiy Tsentr Press, 2002. – Pp. 106–107.
- [3] Tagantsev N.S. On Crimes Against Life Under Russian Law: in 2 vols. / N. S. Tagantsev. – St. Petersburg: A. M. Kotomin Printing House, 1871. – Vol. 2. – P. 356.
- [4] Belogrits-Kotlyarevsky L.S. Outlines of a Course on Russian Criminal Law: General and Special Parts / L. S. Belogrits-Kotlyarevsky. – Kharkov, 1908. – P. 98.
- [5] Foynitsky I.Ya. Criminal Law: Crimes Against the Person and Property / I. Ya. Foynitsky. – 5th ed. – St. Petersburg, 1907. – P. 189.
- [6] Piontkovsky A.A. Crimes Against the Person: Criminal Law. Special Part / A. A. Piontkovsky. – Moscow: Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the USSR, 1938. – P. 20.
- [7] Criminal Code of the RSFSR of 1960 // Bulletin of the Supreme Soviet of the RSFSR. – 1960. – No. 40. – Art. 591.
- [8] Decision dated June 5, 2019, in Case No. 33-7981/2019 (Krasnoyarsk Regional Court) // Reputatsiya. URL: <https://reputation.su/sudrf/238915454?ysclid=mubb3ymag7672956652> (accessed: June 3, 2026).
- [9] Judgment No. 1-108/2019 1-920/2018 dated April 28, 2019, in Case No. 1-108/2019 (Biysk City Court, Altai Krai) // SudAkt. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RZOvDNbSMK6m/?ysclid=mubb1qpt56187418601> (accessed: June 3, 2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.07.2026 г.

Дата принятия рукописи в печать: 30.07.2026 г.

*ЗАИКИНА Маргарита Сергеевна,
Северо-Кавказский федеральный университет,
д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация,
<https://orcid.org/0009-0008-9193-885X>,
e-mail: margarita-malikova1995@yandex.ru*

*Научный руководитель:
ЗРИТНЕВА Елена Игоревна,
доктор педагогических наук, профессор,
e-mail: ezritneva@ncfu.ru*

ПРОФСОЮЗНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ В СИСТЕМЕ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК РЕСУРС ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ПЕДАГОГА

Аннотация. В статье рассматривается потенциал профсоюзной организации в учреждениях среднего профессионального образования (СПО) как ресурса профессионального и личностного развития педагога. Показано, что традиционное восприятие профсоюза преимущественно как структуры, ориентированной на защиту трудовых прав, существенно сужает понимание его возможностей. На основе функционального подхода выделены и описаны ключевые роли профсоюзной организации: защитная, развивающая, социально-партнёрская, мотивационная, коммуникативная, информационная и социально-поддерживающая. Обосновывается, что реализация этих функций способствует формированию у педагогов СПО устойчивой профессиональной мотивации, развитию компетенций, включённости в управление образовательной организацией, профилактике профессионального выгорания. Делается вывод о необходимости целенаправленного использования потенциала профсоюзной организации как инструмента управления качеством педагогического труда в системе СПО.

Ключевые слова: профсоюз, среднее профессиональное образование, профессиональное развитие педагога, социальное партнёрство, мотивация, профессиональное сообщество.

*ZAIKINA Margarita Sergeevna,
North Caucasus Federal University*

*Academic supervisor:
ZRITNEVA Elena Igorevna,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor*

THE UNION ORGANIZATION IN THE SYSTEM OF SECONDARY PROFESSIONAL EDUCATION AS A RESOURCE FOR PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF TEACHERS

Annotation. The article examines the potential of a trade union organization in secondary vocational education (SVE) institutions as a resource for the professional and personal development of teachers. It is shown that the traditional perception of a trade union as primarily a structure focused on protecting labor rights significantly limits the understanding of its capabilities. Based on a functional approach, the key roles of a trade union organization are identified and described: protective, developmental, socio-partnership, motivational, communicative, informational, and socio-supportive. It is substantiated that the implementation of these functions contributes to the formation of stable professional motivation among secondary vocational education teachers, the development of competencies, involvement in the management of educational organizations, and the prevention of professional burnout. The article concludes that it is necessary to purposefully use the potential of the trade union organization as a tool for managing the quality of teaching in the secondary vocational education system.

Key words: trade union, secondary vocational education, teacher professional development, social partnership, motivation, and professional community.

Введение

Современная система среднего профессионального образования функционирует в условиях усиливающихся требований к качеству подготовки кадров, динамичных изменений нормативно-правовой базы и возрастающей нагрузки на педагогов. В этих условиях особое значение приобретает поиск ресурсов, способных поддерживать профессиональное и личностное развитие преподавателей, укреплять их мотивацию и снижать риски профессионального выгорания.

Традиционно профсоюзная организация в образовательной среде воспринимается преимущественно как структура, обеспечивающая защиту трудовых прав работников и решение вопросов оплаты труда, отпусков и социальных гарантий. Однако такой взгляд не отражает всего спектра возможностей профсоюза как института, влияющего на профессиональную траекторию педагога, развитие его компетенций и степень участия в управлении образовательной организацией.

Цель статьи – проанализировать функции профсоюзной организации в системе СПО и показать её потенциал как ресурса профессионального и личностного развития педагога.

Материалы и методы исследований

В Российской Федерации в едином реестре Профсоюза насчитывается 71 242 организации [4], из которых к системе среднего профессионального образования относятся 2 798 учреждений, это 61,62% от общего числа образовательных организаций СПО в стране [3].

На начало 2025/2026 учебного года, согласно данным министерства просвещения Российской Федерации о кадровом составе системы среднего профессионального образования, общее количество работников составляет 361 299 человек. При этом 76 143 человека имеют стаж работы от 3 до 10 лет, а 285 156 работников – стаж 10 лет и более [3]. Преобладание сотрудников с большим стажем свидетельствует о том, что именно эта категория в наибольшей степени представлена в профессиональном сообществе и, как правило, обладает более устойчивыми связями с профсоюзами. Относительно низкая численность работников с меньшим стажем указывает на недостаточную вовлеченность молодых специалистов в профсоюзное движение. Это позволяет сделать вывод о том, что молодое поколение работников в недостаточной мере информировано о преимуществах и возможностях профсоюзного членства. В этих условиях особое значение приобретает четкое понимание персоналом сущности, функций и преимуществ профсоюзов как института защиты их трудовых прав и интересов. Рассмотрим основные функции профсоюза и те возможности, которые предоставляет членство в нем работникам системы среднего профессионального образования.

Главным инструментом профсоюзной организации традиционно является защитная (право-

вая) функция [5; 12], которая включает в себя:

- контроль соблюдения требований Трудового кодекса РФ, локальных нормативных актов, тарифных ставок, учебной нагрузки;
- сопровождение педагогов в конфликтных ситуациях с администрацией (сокращение, дисциплинарные взыскания, перераспределение нагрузки, прохождение аттестации);
- консультирование по вопросам оформления кадровой документации, предоставления отпусков, получения льгот и компенсаций, оплаты сверхурочной работы.

Правовая защищённость способствует снижению тревожности и чувства неуверенности у педагога, создаёт психологические условия для профессиональной инициативы [18]. При наличии надёжной правовой поддержки преподаватель в большей степени готов осваивать новые практики, участвовать в конкурсах, проектах, программах повышения квалификации, то есть проявлять активность, непосредственно связанную с его развитием.

Для содействия профессиональному росту и обновлению компетенций акцентируется развивающая функция профсоюза [6; 11], которая проявляется в организации и поддержке различных форм профессионального роста педагога. Профсоюзные организации в СПО могут:

- инициировать и проводить семинары, мастер-классы, вебинары по методике преподавания, проектной деятельности, реализации ФГОС СПО, организации воспитательной работы;
- поддерживать участие педагогов в профессиональных конкурсах («Учитель года», методические конкурсы, чемпионаты Профессионалы и др.);
- содействовать получению дополнительного образования и повышению квалификации (договорённости с провайдерами образовательных услуг, льготные условия обучения, организация обучения в межкурсовый период);
- обеспечивать распространение лучшего педагогического опыта через заседания, круглые столы, публикации, конкурсы методических разработок.

Таким образом, профсоюз выступает не только как структура защиты, но и как субъект профессионального развития, участвуя в формировании индивидуальных образовательных маршрутов педагогов и повышении качества образовательного процесса в целом. Так, в 2025 году реализован федеральный проект «Профсоюзное образование», ставший основой для формирования корпоративной образовательной среды Профсоюза и предоставления профсоюзным кадрам и активу, членам Профсоюза новых возможностей в развитии их профессионально-личностного потенциала посредством использования профсоюзных средств и форм непрерывного развития. В ходе реализации федерального проекта утверждена Концепция корпоративного развития членов

Профсоюза, определяющая последовательность этапов и программ обучения членов Профсоюза для обеспечения их последовательной вовлеченности в деятельность Профсоюза; сформирована база нормативных локальных актов Профсоюза для регламентации процессов профсоюзного корпоративного образования; разработана платформа дистанционной образовательной среды Профсоюза для реализации стандартизированных программ и индивидуальных маршрутов корпоративного обучения. Во взаимодействии с Российской академией образования открыта научная лаборатория проблем непрерывного развития педагогических кадров, деятельность которой направлена на выявление актуальных направлений, форм и содержания профессионально-личностного развития педагогических и управленческих кадров системы образования [4].

С целью участия педагогов в управлении образовательной организацией выделяется социально-партнёрская функция профсоюза в СПО, которая связана с представлением интересов педагогов в системе управления образовательной организацией [5; 7; 14]. Данная функция реализуется через:

- участие профсоюзной организации в разработке и обсуждении локальных нормативных актов (положения об оплате труда, премировании, аттестации, стимулирующих выплатах и др.) [5];
- представление и защиту интересов педагогического коллектива на уровне администрации колледжа/техникума, органов управления образованием, отраслевых комиссий и советов [5; 13].

Вовлечение педагогов в процессы обсуждения и принятия управленческих решений через профсоюз способствует формированию у них навыков аргументированного отстаивания профессиональной позиции, развитию гражданской и профессиональной активности, а также повышает степень идентификации с образовательной организацией.

Проведя анализ реализации Указов Президента Российской Федерации 2012 года, на основании официальных данных Федерального статистического наблюдения, появляется возможность сделать вывод о том, что за 4,5 года (2020 г. – 1 полугодие 2024 г.), учитывая сложившийся за этот период индекс потребительских цен, рост среднемесячной заработной платы у преподавателей и мастеров производственного обучения профессиональных образовательных организаций (СПО) составил 83% (или 25%). При этом с учетом принятого федеральным законом порядка установления минимального размера оплаты труда его величина с 1 января 2020 года по 1 января 2025 года возросла на 85 % [4].

Карьерное продвижение и признание заслуг педагога раскрывают мотивационный потенциал профсоюзной организации, который проявляется в поддержке карьерного роста, системы поощрений и признания профессиональных достижений

педагогов [8; 15]. В рамках данной функции профсоюз может:

- инициировать представление педагогов к государственным и отраслевым наградам, поощрениям, почётным грамотам, стипендиям и премиям [5];
- сопровождать молодых специалистов через программы наставничества, адаптационные мероприятия, вводные встречи [17];
- участвовать в формировании критериев стимулирующих выплат, добиваясь того, чтобы качественные показатели труда педагога находили реальное отражение в его доходе [18; 19].

Мотивационная функция позволяет выстраивать долгосрочную профессиональную траекторию – от молодого специалиста до лидера профсоюзной организации, методиста, наставника, что укрепляет устойчивость профессиональной идентичности и снижает риск текучести кадров.

В период с 2020 по 2025 г. значительно возросла активность и вовлеченность молодых педагогических работников в деятельность Советов молодых педагогов и клубов «Наставник», созданных в большинстве регионов страны. Тем не менее, существует необходимость дальнейшего совершенствования процессов интеграции молодых специалистов в региональные и межрегиональные проекты, направленные на решение актуальных задач адаптации молодых специалистов к педагогической деятельности в образовательных организациях, создания условий для их непрерывного профессионального развития на основе использования института наставничества, участия в конкурсном педагогическом движении. Для достижения максимальной эффективности деятельности Советов молодых педагогов и клубов «Наставник», создания условий для профессионального и карьерного роста молодых специалистов, формирования кадрового резерва в сфере образования и в Профсоюзе важно повышать уровень правовой, экономической и медиаграмотности молодых педагогов, усиливать обмен лучшими педагогическими и социальными практиками, в том числе между регионами [4].

В целях формирования профессионального сообщества педагогов выделяется коммуникативная функция профсоюза [6; 8]. Профсоюзные структуры могут:

- организовывать профессиональные коммуникационные площадки (педагогические советы, профсоюзные собрания, дискуссионные клубы, тематические круглые столы);
- поддерживать неформальное общение (праздники, выездные мероприятия, клубы по интересам, спортивные соревнования).

Расширение профессиональных и межличностных связей способствует обмену опытом, появлению совместных проектов, горизонтальному распространению инновационных практик [8]. Взаимодействие с коллегами из разных цикловых комиссий и образовательных организаций рас-

ширяет профессиональный кругозор педагога и усиливает его включённость в профессиональное сообщество.

Информационная функция профсоюзной организации заключается в своевременном информировании педагогов об изменениях в нормативно-правовом регулировании и профессиональных требованиях [13; 16]. Профсоюз:

- оповещает о новых нормативных актах, изменениях в системе оплаты труда, требованиях к аттестации и профессиональных стандартах;
- разъясняет, каким образом данные изменения отражаются на деятельности конкретного педагога, какие документы необходимо оформить, какие риски и возможности формируются.

Такая информационная поддержка позволяет педагогу осознанно планировать собственное профессиональное развитие, своевременно адаптироваться к изменениям и целенаправленно формировать необходимые компетенции.

Социально-поддерживающая функция и обеспечение баланса «работа – жизнь», традиционно связана с оказанием помощи в различных жизненных ситуациях [18]. Она включает:

- предоставление материальной помощи при возникновении сложных жизненных обстоятельств, поддержке в период болезни, по случаю юбилеев, выхода на пенсию и др. [5];
- организацию и предоставление льготных путёвок, санаторно-курортного лечения, культурно-досуговых мероприятий [5].

Реализация данной функции способствует поддержанию баланса между профессиональной и личной сферами жизни педагога. Удовлетворение базовых социальных потребностей, ощущение поддержки и уважительного отношения со стороны профессионального сообщества создают предпосылки для сохранения мотивации, снижения эмоционального выгорания и повышения устойчивости к профессиональным стрессам.

Реализованный в Профсоюзе в 2020-2024 годах федеральный проект «Профсоюз – территория здоровья» был направлен на продвижение в профессиональной среде работников образования – членов Профсоюза образцов культуры профессионального здоровья и долголетия. Проект сформировал условия для системной реализации уставных задач Профсоюза по осуществлению организации и проведения оздоровительных, спортивных и культурно-просветительных мероприятий, популяризации культуры здоровья как базовой ценности и распространения здорового образа жизни (ЗОЖ). Развитие и укрепление единого информационного пространства Профсоюза является важнейшим условием для решения уставных задач и повышения эффективности работы Профсоюза. В отчетный период модель информационного сопровождения деятельности Профсоюза претерпела значительные изменения. Это было обусловлено влиянием пандемии коронавируса и вынужденным переходом на цифро-

вые технологии, что привело к значительному усилению в Профсоюзе роли онлайн-коммуникаций [4].

Заключение

Проведённый анализ позволяет рассматривать профсоюзную организацию в системе среднего профессионального образования как многокомпонентный ресурс профессионального и личностного развития педагога. Наряду с традиционной защитной функцией профсоюз выполняет развивающую, социально-партнёрскую, мотивационную, коммуникативную, информационную и социально-поддерживающую функции, комплексная реализация которых:

- обеспечивает защиту трудовых прав и правовую безопасность педагога;
- создаёт условия для непрерывного профессионального развития и карьерного роста;
- вовлекает педагогов в управление образовательной организацией и формирует активную профессиональную позицию;
- укрепляет профессиональное сообщество и поддерживает позитивный социально-психологический климат;
- способствует сохранению мотивации и профилактике профессионального выгорания.

Использование потенциала профсоюзных организаций как инструмента управления качеством педагогического труда в СПО требует осознания этой роли как со стороны администрации образовательных организаций, так и со стороны самих педагогов и профсоюзных лидеров.

Список литературы:

- [1] Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 22.07.2026).
- [2] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. действующая). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 22.07.2026).
- [3] Федеральные государственные образовательные стандарты среднего профессионального образования (ФГОС СПО) / Официальный сайт Министерства просвещения Российской Федерации. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142304/7e375ebf5b7ab8fe9b75247dcde5bd31be59b2f/ (дата обращения: 22.07.2026).
- [4] Общероссийский Профсоюз образования. – Текст : электронный // ЕСУР. – URL: <https://www.esur.ru/?ref=xranks> (дата обращения: 22.07.2026).
- [5] О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности: Федеральный закон от 12.01.1996 № 10-ФЗ (ред. действующая). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8840/ (дата обращения: 22.07.2026).
- [6] Киселёв И.Я. Профсоюзное движение: теория и

практика. – М.: Норма, 2018.

[7] Ярошенко О.М. Социальное партнёрство и защита трудовых прав работников в образовании. – М.: Юрайт, 2020.

[8] Психология профессионального выгорания / под ред. В.В. Бойко. – СПб.: Питер, 2019.

[9] Маркова А.К. Психология профессионализма. – М.: Знание, 2019. 308 с.

[10] Слостёнин В.А., Исаев И.Ф., Шиянов Е.Н. Педагогика: Учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений. – М.: Академия, 2013. 576 с.

[11] Зеер Э.Ф. Психология профессий. – М.: Академический проект, 2017. 336 с.

[12] Кравченко А.И. Социология труда: Учебник. – М.: КНОРУС, 2019. 290 с.

[13] Бондаревская Е.В. Профессиональное развитие педагога в условиях модернизации образования // Педагогика. 2016. № 8. С. 15–22.

[14] Анисимов О.С. Профсоюз как субъект социального партнёрства в системе образования // Социальная политика и социология. 2018. Т. 17. № 3. С. 112–120.

[15] Глухов А.П. Развитие профессиональной компетентности педагогов в системе среднего профессионального образования // Образование и наука. 2019. № 6. С. 45–59.

[16] Лукьянова М.И. Роль профессионального сообщества в повышении качества педагогического труда // Вопросы образования. 2020. № 4. С. 98–110.

[17] Хуторской А.В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования // Народное образование. 2003. № 2. С. 58–64.

[18] Колесникова И.А. Социальная поддержка педагогов как фактор профилактики профессионального выгорания // Психологическая наука и образование. 2021. Т. 26. № 1. С. 103–115.

[19] Чернышова Е.В. Профсоюзная организация образовательного учреждения как ресурс развития персонала // Управление образованием. 2017. № 5. С. 34–40.

References:

[1] Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012, «On Education in the Russian Federation.» // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (accessed: July 22, 2026).

[2] Labor Code of the Russian Federation No. 197-FZ of December 30, 2001 (current version). // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (accessed: July 22, 2026).

[3] Federal State Educational Standards for Secondary

Vocational Education (FGOS SPO) / Official website of the Ministry of Education of the Russian Federation. // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142304/7e375ebf5b7ab8fe9b75247dcde5bd31be59b2f/ (accessed: July 22, 2026).

[4] All-Russian Trade Union of Education. – Text: electronic // ESEUR. – URL: <https://www.eseur.ru/?ref=xranks> (accessed: July 22, 2026).

[5] On Trade Unions, Their Rights and Guarantees of Activity: Federal Law No. 10-FZ of January 12, 1996 (current version). // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8840/ (accessed: July 22, 2026).

[6] Kiselev I.Ya. The Trade Union Movement: Theory and Practice. – Moscow: Norma, 2018.

[7] Yaroshenko O.M. Social Partnership and the Protection of Workers' Labor Rights in Education. – Moscow: Yurayt, 2020.

[8] Psychology of Professional Burnout / Ed. by V.V. Boyko. – St. Petersburg: Piter, 2019.

[9] Markova A.K. Psychology of Professionalism. – Moscow: Znanie, 2019. 308 p.

[10] Slastenin V.A., Isaev I.F., Shiyannov E.N. Pedagogy: Textbook for Students of Higher Pedagogical Educational Institutions. – Moscow: Akademiya, 2013. 576 p.

[11] Zeer E.F. Psychology of Professions. – Moscow: Akademicheskii Proekt, 2017. 336 p.

[12] Kravchenko A.I. Sociology of Labor: Textbook. – Moscow: KNORUS, 2019. 290 p.

[13] Bondarevskaya E.V. Professional Development of the Educator in the Context of Education Modernization // Pedagogika. 2016. No. 8. P. 15–22.

[14] Anisimov O.S. The Trade Union as a Subject of Social Partnership in the Education System // Social Policy and Sociology. 2018. Vol. 17. No. 3. Pp. 112–120.

[15] Glukhov A.P. Development of educators' professional competence in the secondary vocational education system // Education and Science. 2019. No. 6. Pp. 45–59.

[16] Lukyanova M.I. The role of the professional community in enhancing the quality of pedagogical work // Educational Studies Moscow. 2020. No. 4. Pp. 98–110.

[17] Khutorskoy A.V. Key competencies as a component of the person-centered education paradigm // Public Education. 2003. No. 2. Pp. 58–64.

[18] Kolesnikova I.A. Social support for educators as a factor in preventing professional burnout // Psychological Science and Education. 2021. Vol. 26. No. 1. Pp. 103–115.

[19] Chernyshova E.V. The trade union organization of an educational institution as a resource for staff development // Education Management. 2017. No. 5. Pp. 34–40.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.06.2026 г.

Дата принятия рукописи в печать: 30.07.2026 г.

ДИВЯНИН Вячеслав Анатольевич,
e-mail: 4990030@mail.ru

ЦИФРОВОЙ МАРКЕТИНГ В КОММУНИКАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Аннотация. Статья посвящена вопросу применения цифрового маркетинга в коммуникационной деятельности профессиональных образовательных организаций. В статье рассматривается актуальность и целесообразность использования инструментов цифрового маркетинга в коммуникационной деятельности профессиональных образовательных организаций. Также представлен комплекс коммуникационных мероприятий цифрового маркетинга, который может использоваться в коммуникационной деятельности профессиональных образовательных организаций.

Ключевые слова: маркетинговые коммуникации, цифровой маркетинг, инструменты маркетинговых коммуникаций, интернет-маркетинг, коммуникационная деятельность.

DIVYANIN Vyacheslav Anatolyevich

DIGITAL MARKETING IN THE COMMUNICATION ACTIVITIES OF PROFESSIONAL EDUCATIONAL ORGANIZATIONS

Annotation. This article addresses the application of digital marketing within the communication activities of professional educational organizations. It examines the relevance and advisability of utilizing digital marketing tools in this context. Additionally, the article presents a set of digital marketing communication activities suitable for implementation by professional educational organizations.

Key words: marketing communications, digital marketing, marketing communication tools, internet marketing, communication activities.

Современный маркетинг претерпевает значительные изменения, уступая место цифровизации. В эпоху бурного развития цифровых технологий образовательные организации вынуждены оперативно перестраиваться, чтобы соответствовать новым реалиям. Традиционные методы постепенно теряют свою актуальность, уступая место инновационным цифровым подходам. В связи с этим особую актуальность приобретает вопрос о внедрении цифрового маркетинга в коммуникационную деятельность профессиональных образовательных организаций.

Интернет стал неотъемлемой частью нашей жизни. Сегодня практически каждый человек использует его, что открывает перед образовательными организациями широкие возможности для взаимодействия с целевой аудиторией. Интернет как коммуникационный канал обладает высокой интерактивностью, позволяя эффективно работать с различными группами целевой аудитории, передавать информацию и получать обратную связь. Он также отличается мгновенностью, доступностью и возможностью общения между людьми на больших расстояниях. Интернет не только способствует повышению эффективности программ маркетинговых коммуникаций, но и позволяет организовывать коммуникационные мероприятия с минимальными затратами.

Цифровой маркетинг представляет собой ис-

пользование цифровых инструментов для продвижения, охватывая все этапы взаимодействия с клиентами. В отличие от интернет-маркетинга, он включает не только онлайн-каналы, но и офлайн-платформы. Например, это могут быть светодиодные экраны на зданиях, мобильные приложения, SMS-рассылки или QR-коды.

В настоящее время цифровой маркетинг считается одним из самых эффективных инструментов для достижения коммерческих целей. Он помогает минимизировать неэффективные расходы и существенно экономить бюджет. Цифровой маркетинг, в отличие от многих традиционных инструментов, отличается большей доступностью.

В научной среде недостаточно внимания уделяется изучению применения цифрового маркетинга в коммуникационной деятельности профессиональных образовательных организаций. В рамках данной статьи предлагается проанализировать целесообразность и актуальность использования цифрового маркетинга в коммуникационной деятельности образовательных организаций, а также определить, какие инструменты цифрового маркетинга могут быть включены в программу маркетинговых коммуникаций. Автор считает, что цифровой маркетинг должен стать неотъемлемой частью коммуникационной политики профессиональных образовательных организаций. Автором рекомендуется рассмотреть возможность интегра-

ции широкого спектра инструментов цифрового маркетинга в программу маркетинговых коммуникаций, поскольку цифровые технологии играют всё более значимую роль в жизни людей, и образовательные организации должны использовать цифровое пространство для взаимодействия с целевой аудиторией. Исследование, представленное в источнике [2] показало, что «использование цифровых маркетинговых инструментов и постоянный контроль за эффективностью сайта позволяют современным университетам выдерживать высокую конкуренцию на рынке».

В условиях стремительной трансформации образовательного пространства под влиянием цифровых технологий, потенциальные потребители (абитуриенты, студенты и их родители) активно используют интернет для поиска и оценки профессиональных образовательных организаций. Это требует реализации маркетинговых коммуникаций через различные онлайн-каналы, включая официальный сайт, социальные сети, поисковые системы, специализированные сайты и интернет-СМИ. Профессиональные образовательные организации могут применять разнообразные цифровые инструменты, такие как контент-маркетинг, SEO-продвижение, SMM, интернет-рекламу, работу с репутацией и отзывами (ORM-маркетинг) и другие. Использование интернет-ресурсов не только привлекает внимание целевой аудитории, но и обеспечивает эффективное взаимодействие с ней. Образовательные организации могут демонстрировать свои достижения в области образования и науки, что делает онлайн-каналы ключевым элементом их маркетинговой стратегии.

Интернет стал основным инструментом для поиска образовательных организаций. Родители всё чаще используют интернет для получения информации о колледжах и вузах, вместо того чтобы

посещать их лично, как это было ранее. Это подчёркивает необходимость активного присутствия профессиональных образовательных организаций в виртуальном пространстве, чтобы охватить как текущую, так и потенциальную аудиторию. Родители ожидают получить полную информацию об образовательной организации в интернете, включая описание образовательных программ, квалификацию преподавателей, стоимость обучения, учебный план, расписание занятий и внеклассные мероприятия. Таким образом, интеграция образовательных организаций в цифровое пространство и создание качественного онлайн-присутствия являются ключевыми элементами их коммуникационной стратегии.

Применение цифрового маркетинга в коммуникационной деятельности профессиональных образовательных организаций является актуальным и целесообразным, поскольку их целевая аудитория — это молодые люди, активно использующие современные цифровые технологии. Это требует адаптации коммуникационных мероприятий к цифровому формату. В условиях цифровой трансформации и быстрого развития интернет-технологий, цифровой маркетинг становится ключевым инструментом для эффективного взаимодействия с целевой аудиторией, обеспечивая высокую степень персонализированности и релевантности информации. Это также позволяет оптимизировать использование бюджета, что делает цифровой маркетинг важным элементом коммуникационной стратегии профессиональных образовательных организаций.

Представим комплекс коммуникационных мероприятий цифрового маркетинга, который может использоваться в коммуникационной деятельности профессиональных образовательных организаций (см. Рисунок 1).

Рисунок 1. Коммуникационные мероприятия цифрового маркетинга в коммуникационной деятельности профессиональных образовательных организаций

Коммуникационные мероприятия цифрового маркетинга	Веб-сайт
	Контекстная, таргетированная, баннерная реклама, ретаргетинг
	Контент-маркетинг
	SEO-продвижение
	SMM
	Email-маркетинг, SMS-рассылки, рассылки через мессенджеры
	Чат-бот-маркетинг/виртуальный помощник
	Мобильный маркетинг
	Работа с репутацией и отзывами (ORM-маркетинг)
	Партизанский маркетинг в интернете

Для эффективного проведения коммуникационных мероприятий в сфере цифрового маркетинга необходимо применять комплексный подход. Контекстная реклама, например, позволяет оперативно привлечь внимание тех, кто интересуется образовательными программами или конкретными образовательными организациями. В свою очередь, ретаргетинг дает возможность спустя время демонстрировать рекламные баннеры пользователям, которые уже посещали сайт образовательной организации. Если человек прошел пробные уроки и оставил свои контактные данные, можно использовать email-рассылки, мессенджеры и другие каналы для дальнейшего взаимодействия.

Многие профессиональные образовательные организации пока не используют все возможности цифрового маркетинга для эффективной коммуникации, несмотря на то, что специалисты отмечают его высокую результативность. Согласно [1], значительная часть высших учебных заведений не имеет достаточного опыта в применении современных методов цифрового маркетинга для повышения узнаваемости своего бренда.

Итак, цифровой маркетинг играет ключевую роль в повышении эффективности коммуникационной деятельности профессиональных образовательных организаций. Он помогает привлечь новых обучающихся, создать позитивный имидж и укрепить связи с выпускниками и партнёрами.

Для достижения этих целей важно разрабатывать и реализовывать комплексную стратегию цифрового маркетинга, применяя разнообразные инструменты и каналы маркетинговых коммуникаций. Разработка и реализация эффективных мероприятий цифрового маркетинга способствует повышению эффективности коммуникационной деятельности профессиональных образовательных организаций.

Список литературы:

[1] Юдина В.А., Танина М.А., Бондаренко В.В. Развитие цифровых маркетинговых технологий продвижения образовательных услуг российских вузов в условиях глобальных трансформаций // Вестник университета. 2022. № 5. С. 71–78.

[2] Кучерявенко С.А. 2025. Цифровой маркетинг и контроль за эффективностью онлайн-платформы университета. Экономика. Информатика, 52(1): С. 56–65.

References:

[1] Yudina V.A., Tanina M.A., Bondarenko V.V. Development of digital marketing technologies for promoting educational services of Russian universities in the context of global transformations // University Bulletin. 2022. No. 5. pp. 71–78.

[2] Kucheryavenko S.A. 2025. Digital marketing and monitoring the effectiveness of the university online platform. Economy. Computer Science, 52(1): P. 56–65.

✧ ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ ✧ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ В НАУЧНОМ СЕТЕВОМ ЖУРНАЛЕ «ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА»:

1. Представленная автором научная статья рецензируется экспертом редакционной коллегии журнала (доктором, кандидатом наук) в форме экспертной анкеты, утвержденной редакционной коллегией. Экспертиза носит закрытый характер, рецензия в форме экспертной анкеты предоставляется по соответствующему запросу в ВАК, без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.
2. Срок подготовки рецензии экспертом редакционной коллегии журнала устанавливается по согласованию с рецензентом, но не может превышать 5 дней с момента поступления рукописи к рецензенту.
3. Окончательное решение о принятии статьи автора и размещении ее в одном из номеров журнала принимается на заседании редакционной коллегии журнала либо главным редактором журнала.
4. По результатам рецензирования могут быть приняты следующие решения:
 - а) рекомендовать принять рукопись к публикации;
 - б) рекомендовать принять рукопись к публикации с внесением технической правки;
 - в) рекомендовать принять рукопись к публикации после устранения автором (авторами) замечаний рецензента, с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту (при рекомендации сокращения или переработки рукописи статьи в рецензии конкретно указывается, за счет чего должна быть сокращена рукопись, что в ней должно быть исправлено, чтобы помочь автору (авторам) в дальнейшей работе над рукописью). В случае если автор (авторы) не устранил замечания рецензента, редакционная коллегия Журнала вправе отказать в публикации рукописи с направлением автору (авторам) мотивированного отказа);
 - г) рекомендовать отказать в публикации рукописи по причине ее несоответствия требованиям, предъявляемым к научному уровню (в данном случае редакционная коллегия Журнала имеет право направить рукопись на рецензирование другому рецензенту либо направить автору (авторам) сообщение (по e-mail) об отказе в публикации рукописи, с приложением экспертной анкеты с результатом рецензирования).
5. Редакционная коллегия информирует о принятом решении автора по его запросу. Автору не принятой к публикации статьи редакционная коллегия направляет по его запросу информацию об отказе.
6. Редакционная коллегия осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки.
7. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 1 года.
8. Максимальный срок рецензирования (с учетом повторного и дополнительного рецензирования) составляет 5 дней с момента поступления рукописи в редакцию.
9. Опубликование представленного материала осуществляется в соответствии с планом работы редакции, с учетом необходимости формирования различных рубрик в каждом номере журнала и обеспечения финансирования выпуска журнала (оплатой автором организационного взноса за публикацию статьи).

❧ ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ❧

Сведения общего характера:

Обращаем внимание авторов на то, что публикация статей в научном сетевом журнале «Образование и наука» осуществляется при условии соблюдения правил подготовки статей и при положительном решении редколлегии по итогам рецензирования, с учетом очередности присылаемых для публикации материалов.

Рукопись принимается к рассмотрению при условии, если она соответствует требованиям, предъявляемым к оформлению статей (материалов).

Срок рассмотрения рукописи: от 1 до 3 рабочих дней.

В случае, если рукопись статьи направлена на рассмотрение и в другие издания, об этом факте необходимо поставить в известность редакцию. Редакция не принимает к рассмотрению статьи с низким уровнем оригинальности текста (менее 70%).

Рукописи должны иметь авторство не менее 70%, что подтверждается системой Антиплагиат. Цитирования других авторов и цитирования законодательства при этом могут входить в 70%.

Тексты статей принимаются объемом от 5 до 15 машинописных страниц (не более 30 000 знаков (с учетом пробелов), рецензии на монографии, учебники — до 6 машинописных страниц. В расчет объема статьи входят аннотация, ключевые слова, библиография, сведения об авторе(ах). Статья должна быть написана качественно, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Научная статья, оформленная по правилам, направляется через форму на Главной странице сайта

Представленные материалы должны соответствовать общепринятым этическим нормам. Ответственный секретарь (заместитель главного редактора) направляет статью на рецензирование члену редакционной коллегии, курирующему соответствующее научное направление, при условии, что статья оформлена в соответствии с требованиями. Процедура рецензирования рукописей осуществляется конфиденциально в целях защиты прав автора.

Правила оформления статей:

Набор текста производится в формате Microsoft Word. Шрифт – Times New Roman; размер шрифта – 14; межстрочный интервал – 1,5.

Последовательность оформления статьи:

В начале статьи (на первой странице) приводятся на русском языке:

Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания, электронного адреса;

Название статьи (буквы – прописные);

Аннотация и ключевые слова на русском языке (выравнивание «По ширине», без отступа);

Указание на источник финансирования (если работа выполняется по гранту).

Затем размещается информация на английском языке:

1. Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания;
2. Название статьи (буквы – прописные);
3. Аннотация и ключевые слова (выравнивание «По ширине», без отступа).

После размещения технической информации следует текст статьи.

Структура статьи, как правило, включает: введение (характеристика актуальности темы и степени ее научной разработанности), указание на цель и задачи данной статьи, обозначение использованных методов, представление результатов, заключение. Отдельные блоки содержания выделяются подзаголовками (оформляются с выравниванием «По центру», строчными, полужирным курсивом).

В тексте статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1; 2]. Постраничные сноски допускаются только, если не содержат ссылку на библиографический источник, например, разъяснение термина.

В конце статьи необходимо оформить список литературы на русском языке и список литературы на английском языке.

Для аспирантов, адъюнктов, соискателей ученой степени кандидата наук:

— в статье необходимо указывать: данные о научном руководителе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание, e-мейл),

— необходимо соблюдать правила научной этики при написании и публикации статей.

Внимание! Редакция оставляет за собой право отказать в публикации предварительно одобренной статьи при обнаружении признаков использования искусственного интеллекта (ИИ), в частности, chatGPT, Deepseek, Grok и др., недобросовестного заимствования и/или недобросовестного повышения оригинальности текста в системе “Антиплагиат” (организационный взнос в этом случае не возвращается).

ОБРАЗОВАНИЕ и НАУКА

— НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ —

Сдано в набор 30.07.2026. Подписано в печать 04.08.2026.

Формат 60х90/8. Печ. л. 5,8. Заказ № 13.

Верстка и редакционная подготовка в ООО «Издательский дом «Академик».
121596, г. Москва, ул. Горбунова, д. 2 стр. 3, офис 218.